РАССКАЗ
О
ПОХОДАХ 1812-13 г.г.

11
—
27ku

Г 11
1274

РАЗСКАЗЫ

О

ПОХОДАХЪ

1812-го и 1813-го годовъ,

ПРАПОРЩИКА

САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

РАЗСКАЗЫ О ПОХОДАХЪ

ПРАПОРЩИКА

САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ.

95

Т 11
274

РАЗСКАЗЫ
О
ПОХОДАХЪ
1812-го и 1813-го годовъ,
ПРАПОРЩИКА
САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ.

81/Ш 34

СОЧИНЕНІЕ
Р. Зотова,
(Автора Леонида, Таинственнаго Монаха, и Исторіи 25-ти-лѣтія Европы).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА А. СМИРДИНА И К°.
1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ;

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ Августа 11 дня 1836 года.

Цензоръ И. Корсаковъ.

2007096526

ГЛАВА I.

1812-й годъ. — Чувства Русскихъ при извѣстіи о нашествіи. — Первая побѣда Витгенштейна.—Манифестъ объ Ополченіи.—Составленіе С. Петербургскаго Ополченія — Обученіе его въ 5-ть дней. — 30-е Августа и Бородинская битва. — Освященіе знаменіи. — Выступленіе. — ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ во время молебствія при отправленіи. — Первые переходы. — Дневка. — Случай чрезвычайной усталости. — Сонъ на ходьбѣ. — Ѳеофилова пустынь. — Извѣстіе о взятіи Москвы. — Чувства наши при семъ извѣстіи. — Великія Луки. — Двухъ-дневный растагъ. — Пріемъ жителей. — Безкорыстіе купцовъ. — Невель. — Краснополье. — Пикетъ и Рундъ.—Происшествіе.—Ужасный ночлегъ.—Разливъ озера. — Утро. — Пикетъ. — Приказъ о выступленіи. — Всеобщая радость. — Ночлегъ у Юревичей. — Приготовленія къ сраженію.—6-е Октября.—Полоцкая битва.—Раненая лошадь.—Первыя ядра.—Первая атака и ретирада.—Вторая—на штыки.—Кирпичные шанцы. — Взятіе ихъ. — Третья атака. — Баварцы прорываются на штыкахъ. — Раненые офицеры. — Истребленіе Баварцевъ. — Стрѣлки. — Мы прорываемся до батареи. — Отступаемъ. — Большая кавалерійская атака. — Наше безвременное участіе. — Атака противу насъ. — Отчаянный бой. — Всѣ изрублены. — Паденіе и сонъ. — Пробужденіе. — Мѣсто перевязки. — Два доктора. — Операціи. — Спасеніе ноги. — Ужинъ. — Каша съ сальною свѣчою. — Утро 7-го. — Отправленіе въ Юревичи.—Вечеръ. — Пожаръ. — Извѣстіе о взятіи Полоцка.

1812-й годъ!... Какое волшебное слово! Какія великія воспоминанія!—24 года прошли съ незабвенной этой эпохи, а исполинскія событія все еще представляются воображенію нашему

какъ сонъ вчерашней ночи, который все еще мечтается намъ со всею живостію, со всею силою,—котораго малѣйшія подробности мы стараемся припомнить себѣ, — и отыскавъ ихъ въ нашей памяти, съ наслажденіемъ спѣшимъ разсказать нашему семейству, нашимъ знакомымъ. Четверть столѣтія протекло съ тѣхъ поръ; едва половина нынѣшняго поколѣнія принимала дѣятельное участіе въ этой величественной драмѣ; остальные исчезли со сцены — и только изрѣдка повторяются имена ихъ въ кругу друзей и родныхъ. Пройдетъ еще четверть столѣтія — и можетъ быть ни одного уже изъ дѣйствующихъ лицъ не останется на земли. За то память о дѣлахъ ихъ будетъ прочнѣе многихъ памятниковъ, воздвигаемыхъ суетностію человѣческой.

Разсказъ самаго незначительнаго сотоварища(*)

(*) Баронъ Штейнгель, вскорѣ послѣ похода, издалъ историческія Записки о С. Петербургскомъ Ополченіи. Описавъ всѣ сраженія, въ которыхъ оно участвовало, онъ сохранилъ даже име-

великихъ дѣйствователей того времени, конечно не можетъ быть занимательнымъ, ни въ историческомъ, ни въ военномъ, ни даже въ литературномъ отношеніи, — но для наблюдателя онъ можетъ служить изображеніемъ великаго духа той эпохи, одушевлявшаго Россію во всѣхъ концахъ, во всѣхъ сословіяхъ; — а для устарѣвшаго соучастника въ ратномъ дѣлѣ, этотъ разсказъ освѣжитъ и омолодитъ все былое, все славное, все молодецкое. И если молодой усъ разцвѣтающаго воина поднимется съ сожалительною улыбкою при заглавныхъ словахъ: *Прапорщикъ* и *ополченіе*, — посѣдѣлый ветеранъ вѣрно съ искреннимъ удовольствіемъ прочтетъ нѣсколько страницъ, напоминающихъ ему знаме-

---

на всѣхъ Офицеровъ, которые отличились. Во 2-й части, стран. 173 и 174 описанъ и я малозначущій Прапорщикъ, — и, неимѣвъ чести лично знать Автора, даже не видавъ его никогда, я чрезъ двадцать лѣтъ приношу ему всю мою душевную благодарность, за его слишкомъ лестный обо мнѣ отзывъ, которымъ я все таки однако горжусь.

нитыя имена Витгенштейна, Клясснцъ, Полоцка и Березины.

Какъ ранній и прилежный ученикъ я уже на 16 лѣтнемъ возрастѣ окончилъ учебный курсъ, и съ важнымъ для меня званіемъ (студента 14-го класса) вступилъ въ гражданскую службу.—Кто въ молодости не мечталъ о красотѣ военнаго мундира, о прелестяхъ походной жизни и о славѣ бранныхъ подвиговъ?—Что же?—Къ стыду своему долженъ сознаться, что мнѣ и на умъ тогда не приходили подобныя мечты. — Пристрастившись къ поэзіи и астрономіи, я во снѣ и наяву видѣлъ только эллипсисы кометъ и торжественныя оды, населялъ въ жару юношеской мечтательности всѣ видимые міры, всю огромность мірозданія, жителями разнообразныхъ формъ, свойствъ и долговѣчности — и вмѣстѣ съ тѣмъ потѣлъ надъ 4-хъ стопными ямбами; воображалъ, что буду вторымъ Невтономъ и Державинымъ,— и теперь чрезъ 25 лѣтъ съ горькимъ, но смиреннымъ самосознаніемъ вижу, что ни та, ни другая страсть не принесли мнѣ ни пользы, ни извѣст-

ности, — и что подобно милліонамъ мечтателей остался я въ очень тѣсной сферѣ посредственности и незначительности.

Не прошло еще и полгода со вступленія моего въ службу, какъ вдругъ извѣстіе о нашествіи въ предѣлы Россіи, всей Европы, предводимой Наполеономъ, подобно электрической струи, разлилось по всѣмъ концамъ и заставило вздрогнуть всѣ сердца Русскія. — Знаменитый рескриптъ Графу Салтыкову, приказъ по арміямъ, воззваніе къ Москвѣ и манифестъ о защитѣ отечества, произвели такое дѣйствіе, возродили такіе порывы любви къ отечеству, что никакое перо не въ состояніи описать ихъ. — Одни очевидцы помнятъ эти великіе, эти святые дни, когда и жизнь и имущество почитались не собственною принадлежностію, но достояніемъ отчизны, оскорбленной дерзкимъ нашествіемъ иноплеменныхъ. — Какъ сладко вспомнить это время всеобщаго восторга! Теперь подобные порывы, близкіе къ изступленію, подверглись бы порицанію, а можетъ быть

и насмѣшкамъ (*); тогда они никого не удивляли, потому что всѣ чувствовали одинаково. На улицахъ, во всѣхъ обществахъ, въ кругу семейномъ, не было другихъ разговоровъ кромѣ народной войны. Умолкли всѣ городскія сплетни, ссоры, взаимныя ненависти: — любовь къ отечеству помирила всѣхъ. По цѣлымъ днямъ стоялъ народъ на улицахъ и площадяхъ, съ жадностію ожидая курьеровъ изъ арміи; всякая реляція была пожираема, тысячу разъ перечитана, затверженa, — имена героевъ оглашались тысячью голосами. — Первая побѣда сдѣлала Графа Витгенштейна любимцемъ Русскаго народа. Невозможно описать восторга, произведеннаго извѣстіемъ о битвѣ подъ Клястицами. — Съ той минуты всѣ ежедневно требовали реляцій отъ Графа Витгенштейна; имя его было предметомъ всеобщаго обожанія. — И дѣйствительно судьба поставила его въ самое выгод-

(*) Напримѣръ въ театрѣ во время представленія драмы: любовь къ отечеству, когда по піесѣ всѣ актеры приносятъ свое имущество на жертву отчизнѣ, — одинъ изъ зрителей бросилъ на сцену свой бумажникъ, закричавъ: *возьмите! вотъ и мои послѣднія деньги.*

ное положеніе. Когда главная Армія ежедневно отступала, онъ одинъ успѣлъ отразить непріятеля, одинъ сталъ твердою грудью и не пустилъ его дальше Двины. Эта стойкость, составляющая главный характеръ Русскаго народа, была всѣмъ прямо по сердцу и цѣнилась въ эту минуту какъ величайшее достоинство Генерала.

Въ это время явился манифестъ о составленіи Ополченія. Все взволновалось, все бросилось къ оружію. Государь потребовалъ по *четыре* души со ста,—С. Петербургское Дворянство объявило, что дастъ по *десяти* и снабжаетъ ихъ оружіемъ, провіантомъ и жалованьемъ на первые мѣсяцы. Всѣ губерніи съ восторгомъ послѣдовали этому благородному примѣру. Отовсюду стекались толпы воиновъ, составлялись дружины. — Начальникомъ С. Петербургскаго ополченія выбранъ знаменитый Графъ Кутузовъ — и можетъ быть этотъ самый выборъ, какъ гласъ народа къ довѣренному отъ него полководцу, указалъ мудрому этому герою будущее его поприще, ознаменованное спасеніемъ Россіи.

Противъ новой Голландіи въ домѣ Барона Раля, открылись засѣданія Комитета ополченія. — Всѣ являлись туда съ просьбами о пріятіи ихъ въ ряды этого воинства. Въ числѣ толпы желающихъ былъ и я, — съ великолѣпнымъ своимъ званіемъ 14-го класса, — и съ пылкимъ воображеніемъ 16-ти лѣтняго юноши, который шелъ съ твердою увѣренностію, что онъ поймаетъ самаго Наполеона. За всѣми гражданскими чиновниками оставлены были занимаемыя ими мѣста до возвращенія и производство получаемаго ими жалованья. Какъ ни выгодны были подобныя условія, но я смѣло могу увѣрить, что никто не руководствовался корыстію. Я же вѣрно всѣхъ менѣе, — потому что получалъ тогда (виноватъ!) 150 руб. въ годъ. — Намъ дали на обмундировку полугодовое жалованье (сто восемьдесятъ руб.) — и (вообразите себѣ восторгъ мой!) чрезъ нѣсколько дней я явился въ публику съ золотыми эполетами и въ шляпѣ съ султаномъ. — Тогда все кипѣло какою-то быстротою въ дѣйствіяхъ, въ словахъ, во всѣхъ поступкахъ. Кто бы теперь

повѣрилъ, что 14 тысячъ человѣкъ, только что оторванныхъ отъ сохи и не имѣвшихъ никакого понятія о военной службѣ, обучены были всѣмъ пріемамъ экзерциціи въ *пять день*? — Можетъ быть скажутъ: ну, да такъ ужъ и знали! — Нѣтъ! клянусь, что не только всѣ маршировали скорымъ шагомъ очень ровно, — (церемоніальный отложенъ до удобнѣйшаго времени), — не только ровно дѣлали всѣ ружейные пріемы и стрѣляли по командѣ, и безъ команды, — но даже строили колонны по разнымъ взводамъ и карей. — И все это въ пять дней, или лучше сказать въ пять сутокъ, потому что въ длинные лѣтніе дни мы и по ночамъ почти не сходили съ Измайловскаго плацъ-парада. — Комендантъ Г. Башуцкій былъ нашимъ учителемъ; — быстрые успѣхи ученія превзошли всѣ ожиданія. — Только съ Русскимъ народомъ можно сдѣлать такія чудеса.

30-го Августа въ Александровъ день весь Петербургъ былъ взволнованъ извѣстіемъ о Бородинской битвѣ. Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ должно было ее счесть за большую побѣду, —

и всеобщій восторгъ доходилъ до изступленія.— Одно только показалось намъ очень обидно. Всѣ знакомые, встрѣчавшіеся въ тотъ день, говорили намъ ополченнымъ: «не надо васъ больше! не надо! послѣ Бородина Французы убѣгутъ изъ Россіи!» Какъ ни радостна была мысль о такомъ скоромъ освобожденіи отечества, но самолюбію нашему было очень больно: скинуть блестящій мундиръ и воротиться къ скромной канцелярской чернилицѣ, не вынувъ ни разу военной шпаги изъ ноженъ и не пошохавъ пороха.—Еще помню, какъ я въ этотъ день явился въ Невскій монастырь къ обѣднѣ и, хотя ожидали немѣдленнаго прибытія Императорской фамиліи, но меня безпрепятственно впустили въ церковь. Какая торжественная привиллегія золотымъ эполетамъ! — Караульный Офицеръ замѣтилъ мнѣ правда, что въ такой день не ловко быть въ сюртукѣ (а мундиръ у меня не поспѣлъ), — и что я напрасно завязалъ галстукъ бантикомъ спереди, — но въ жару тогдашняго времени никто кромѣ его не обратилъ и вниманія на меня. Од-

ни знакомые восхищались моимъ нарядомъ. — Ввечеру давали на Маломъ театрѣ первое представленіе новой драмы: *всеобщее ополченіе*, и подобнаго успѣха, подобнаго восторга вѣрно никто не видалъ ни при одной піесѣ.

На другой день, поучившись еще разъ хорошенько всѣмъ церемоніальнымъ маневрамъ, мы 1-го Сентября отправились на Исакіевскую и Дворцовую площадь. Тутъ Митрополитъ, отслуживъ молебствіе, освятилъ наше знамя (*), окропилъ насъ святою водою, Государь Императоръ объѣхалъ наши ряды, — и мы потомъ пошли мимо Его скорымъ шагомъ пополувзводно, оглашая воздухъ искреннимъ и радостнымъ: ура! — 3-го числа выступила уже первая половина ополченія въ походъ, — а 5-го и наша колонна. — Какъ памятенъ еще и теперь этотъ день! На обширномъ Семеновскомъ плацъ-парадѣ собрались мы. День былъ теплый и прекрасный. Стеченіе народа без-

(*) Изъ бѣлаго полотна, на коемъ изображенъ былъ осмиконечный крестъ, съ надписью по обѣимъ сторонамъ: *сими побѣдиши.*

численное. Уже перестали тогда говорить, что насъ не надо, потому что и послѣ Бородина Русская армія продолжала отступать; слѣдственно наша вооруженная масса, которая на городской площади казалась очень сильною, имѣла видъ довольно важный. — Въ 9-ть часовъ утра прибылъ къ намъ и Государь въ сопровожденіи Военнаго Министра и Англійскаго Посла. — Самъ Императоръ скомандовалъ намъ построиться въ колонны и на молитву, сошелъ съ лошади, подошелъ къ Митрополиту, ожидавшему его съ многочисленнымъ духовенствомъ, приложился ко кресту, и молебенъ начался. Когда же Протодіаконъ возгласилъ: паки и паки преклоніа колѣна!—Государь, Духовенство и всѣ колонны ополченія преклонили колѣна съ теплою, сердечною мольбою за успѣхъ праведной брани. Когда молебенъ кончился, Митрополитъ произнесъ къ воинамъ краткую рѣчь, благословилъ ихъ иконою Св. Александра Невскаго, вручилъ ее Генералу Бегичеву (командовавшему всею выступавшею въ тотъ день колонною),—и всѣ единогласно за-

кричали, что рады умереть за Вѣру и Царя! — Тутъ Митрополитъ пошелъ по рядамъ воиновъ и окроплялъ ихъ святою водою; потомъ Государь Императоръ, сѣвъ на лошадь, самъ снова скомандовалъ на плечо и на маршъ — и всѣ двинулись мимо его съ безпрерывными криками: ура! Когда всѣ взводы прошли мимо Государя, онъ снова обогналъ ихъ и предъ передшимъ сказалъ краткую, но сильную рѣчь, которою изъявлялъ всю свою увѣренность и надежду на вѣрность и мужество воиновъ.—Ура! не умолкало. — Всѣ были въ радостномъ изступленіи. — Не многіе только замѣтили, что Императоръ въ печальномъ расположеніи духа, и что даже во время колѣнопреклоненія при молебнѣ глаза Его омочены были слезами. — Изъ насъ никто тогда еще не зналъ о бѣдствіи, постигшемъ Россію. Одинъ Государь и приближенные его знали это горестное событіе,—но, чтобъ не привести въ безвременное уныніе выступающаго войска и народъ, скрыли на одинъ сутки эту народную бѣду. — Москва была уже въ рукахъ непріятеля!

Мудрено ли же, что Государь, не предвидя, какое окончаніе будетъ имѣть ужасная эта война, скорбѣлъ въ душѣ какъ отецъ о участи милліоновъ дѣтей своихъ, ввѣренныхъ ему промысломъ? Мудрено ли, что отправляя на брань послѣднюю горсть воиновъ, Онъ, преклоняя колѣно предъ Всемогущимъ, проливалъ слезы о участи, постигшей тысячи жертвъ, павшихъ и долженствующихъ еще пасть за спасеніе отчизны? Велики были тѣ слезы Монарха; глубоки тѣ высокія чувства, которыя его одушевляли въ эту минуту! Онъ видѣлъ всеобщій восторгъ готовности къ самопожертвованію и ввѣрялъ Провидѣнію жребій народа, столь сильно любящаго своего Государя.

Провожаемые всѣмъ почти городомъ, вышли мы за Московскую заставу и, отдохнувъ на *рукѣ*, почевали на Пулковой. — Сколько новыхъ предметовъ, сколько новыхъ ощущеній для каждаго въ этомъ первомъ походномъ ночлегѣ! Кто зналъ тогда, далеко ли онъ идетъ и придетъ ли когда нибудь назадъ? Засыпая въ углу крестьянской избы, всякой изъ насъ посвятилъ минутъ 10-ть, на

то, чтобы подумать и помечтать о предстоящемъ поприщѣ, котораго окончанія никто не предвидѣлъ. (Я говорю: 10-ть минутъ, потому что усталость вѣрно каждому сомкнула глаза.)

На другой день ночлегъ и дневка были въ Гатчинѣ. Этотъ переходъ уже былъ довольно силенъ для новичковъ, которые до тѣхъ поръ прогулявшись пѣшкомъ на Крестовской, всегда воображали, что очень далеко сходили. — Тутъ въ первый разъ отъ роду пришелось провесть двѣ ночи въ дымной избѣ чухонца. Въ послѣдствіи времени часто случалось пользоваться этимъ же удовольствіемъ, особливо въ Литвѣ, но для перваго раза очень непріятно было: лежать на лавкѣ и не смѣть подняться къ верху, чтобъ не очутиться въ дымной, удушающей атмосферѣ; проливной же дождь мѣшалъ выйти изъ избы.

Первый переходъ изъ Гатчины былъ самый жестокій для той дружины, въ которой я находился (14-я).—Такъ какъ всякой день невозможно было помѣстить всю колонну на ночлегъ по большой дорогѣ, то нынъ доставалось верстъ по 5

итти въ сторону, — и отъ этого на другой день выходило иногда 10-ть верстъ больше противу счастливѣйшихъ дружинъ. — Точно то же было и съ этимъ переходомъ. Дымная моя Гатчинская изба была въ 5-ти верстахъ отъ большой дороги, общій переходъ къ слѣдующему ночлегу былъ въ 32 версты, намъ же приходилось еще 5-ть верстъ своротя съ большой дороги, — слѣдственно уже 42. Одно же не большое приключеніе заставило меня сдѣлать гораздо болѣе. Обѣденный привалъ продолжался обыкновенно два часа. Соскучась дожидаться такъ долго, мнѣ вздумалось съ однимъ товарищемъ отправиться впередъ, расчитывал, что я часомъ ранѣе приду на ночлегъ и успѣю прежде другихъ отдохнуть. Дорогою присоединились мы къ другой дружинѣ, уже выступившей съ привала, нашли знакомыхъ — и въ очень пріятныхъ разговорахъ о будущихъ нашихъ подвигахъ, прошли до самаго вечера. Тутъ стали уже на дорогѣ попадаться квартиргеры разныхъ дружинъ, — и я у перваго же распросилъ о ночлегѣ нашемъ. Узнавъ и затвердя на-

званіе деревни (Подгорье,) я съ бодростію пошагалъ впередъ. Начинало смеркаться. Товарищъ мой сталъ крѣпко уставать. Я все еще храбрился—и отъ души смѣялся одной его выдумкѣ, а именно: онъ полагалъ, что надобно только чаще отдыхать, чтобъ истребить всякую усталость,— и потому почти бѣгомъ уходилъ отъ меня $\frac{1}{4}$ версты впередъ, садился и дожидался, покуда я, идя ровнымъ шагомъ, догоню его.—Вскорѣ оказалось что расчетъ его невѣренъ и что онъ не въ состояніи итти далѣе. Проходя въ это время чрезъ одну деревню, въ которой уже одна дружина остановилась на ночлегъ, онъ нашелъ тутъ одного знакомаго и рѣшился ночевать у него, а меня просилъ увѣдомить объ этомъ нашего ротнаго Начальника. — Такимъ образомъ я уже пошелъ одинъ,— и ночью, поминутно спрашивая: далеко ли та деревня, которую мнѣ назвалъ первопопавшійся квартиргеръ? Еще двѣ версты сказали мнѣ — и я, собравъ послѣднюю бодрость и силы, пустился скорымъ шагомъ. Далеко ли двѣ версты? —Вотъ я и пришелъ!— Что же? Какое

грустное извѣстіе поразило меня? — Я дѣйствительно пришелъ въ Подгорье, — но это было *большое* Подгорье и назначено для ночлега (кажется) 6-й дружинѣ, а *малое*, гдѣ должны были *мы* ночевать, осталось назади и было 4 версты своротя съ большой дороги. Тутъ я внутренно упалъ духомъ,—но подстрѣкаемый самолюбіемъ, пустился тихимъ шагомъ назадъ. — Мало по малу силы мои ослабѣвали. Едва передвигая уже ноги, я расчитывалъ, что уже прошелъ въ тотъ день около 50-ти верстъ. Помнутно встрѣчались мнѣ отсталые, — я всѣхъ распрашивалъ гдѣ и куда своротить мнѣ съ дороги? большая часть отвѣчали мнѣ самымъ національнымъ образомъ: не могу знать,—и при всякомъ отвѣтѣ шаги мои становились медленнѣе. Наконецъ увидалъ я какой-то поворотъ съ большой дороги и у поворота стоялъ (о восторгъ!) *нашъ* урядникъ-квартиргеръ. Это придало мнѣ бодрости — и я побрелъ съ нимъ по мякинькой проселочной дорогѣ. Вскорѣ однако почувствовалъ я, что бодрость умственная не замѣняетъ ногъ. Силы мои рѣшительно и

совершенно истощились. Еще нѣсколько минутъ молчалъ я, удерживаемый чувствомъ стыда,—но наконецъ усталость все побѣдила; — я сѣлъ на дорогѣ и объявилъ урядшику, что не могу итти далѣе. Онъ уговаривалъ меня, увѣрялъ, что ужъ недалеко, показывалъ вдали мелькающіе огни,— все напрасно,—я совершенно былъ не въ состояніи двинуться съ мѣста. — Еще до сихъ поръ помню это тягостное, непостижимое чувство. Нѣсколько разъ употреблялъ я всю силу воли своей, чтобъ принудить себя встать,—и рѣшительно не могъ. Съ нѣкоторымъ отчаяніемъ растянулся я на травѣ и сказалъ урядшику, что онъ можетъ итти въ деревню, а что я останусь ночевать тутъ, гдѣ лежалъ. Урядникъ, побоявшись Капитана, не послушался меня, а рѣшился подождать, пока я отдохну. Съ полчаса лежалъ я въ разслабленіи, наконецъ ночной холодъ сталъ пронимать меня, Я началъ для пробы пошевеливать ногами и съ удовольствіемъ почувствовалъ, что они нѣсколько повинуются моей волѣ. Съ помощію урядника всталъ я на ноги, покачался

съ минуту на мѣстѣ и тихо побрелъ, держась за руку своего проводника. — Кое-какъ добрался я наконецъ до обѣтованной деревни; кое-какъ вста-щился на лѣсепку въ Капитанскую избу, — и увидавъ въ углу постланную для насъ солому, рипулся на нее, не сказавъ никому ни слова. Всѣ осыпали меня вопросами: Лежа, разсказалъ я имъ глупое мое происшествіе и просилъ капитана поставить меня на рапортъ больныхъ, чтобъ ужъ на другое утро *пхать* въ обозъ. — «Э, вздоръ, братецъ, сказалъ Капитанъ; заснешъ, отдохнешъ и поутру встанешъ свежехонекъ!» — Я увѣренъ былъ въ невозможности имъ сказаннаго, но не имѣлъ уже силъ и противорѣчить ему. Отказавшись отъ всякаго ужина, я чрезъ нѣсколько минутъ захрапѣлъ.

Барабанный бой и голосъ Капитана разбудили меня на разсвѣтѣ. Я вскочилъ и къ изумленію своему почувствовалъ, что отъ вчерашней моей усталости не осталось во мнѣ ни малѣйшаго слѣда. Сила и бодрость опять возвратились. Одна лѣнь потягивала мои руки и разтворяла настежъ

мой ротъ,—но холодная вода вскорѣ прогнала и это,—и я по прежнему пустился въ походъ.—Только пользуясь вчерашнимъ урокомъ, я никогда уже болѣе не уходилъ впередъ, а смиренно слѣдовалъ при своемъ взводѣ, досыпая на ходьбѣ до перваго привала тѣ часы, которые похищаемы были у меня рашнимъ вставаньемъ. Не подумайте Господа читатели, что фраза: *досыпая на ходьбѣ* какая нибудь риторическая фигура, или острота. Нѣтъ клянусь вамъ, что послѣ сильнаго перехода, когда не успѣешь хорошенько выспаться, встанешь рано, освѣжишься кое-какъ, чтобы выступить въ походъ,—то послѣ, идучи въ рядахъ своего взвода, помнутно засыпаешь на ходьбѣ, видишь сны, спотыкаешься, просыпаешься и вновь погружаешься въ сонъ.—Спросите у Армейскихъ фронтовыхъ офицеровъ. Это со многими бывало.

Вторая дневка была въ Лугѣ.—Примѣчательнаго ничего не случилось. Но за то третья очень памятна.—Это было у Феофиловой пустыни. Тутъ мы въ первый разъ услыхали о взятіи Фран-

цузами Москвы!! Напрасно сталъ бы я стараться передать читателю то ужасное впечатленіе, которое произвело надъ нами это извѣстіе. Чувство это невыразимо. — Совершенное уныніе овладѣло нами. Съ какимъ-то грустнымъ равнодушіемъ, съ какою-то безмолвною тоскою смотрѣли мы теперь на будущее. Намъ казалось, что все уже погибло, что война не имѣетъ уже другой цѣли, кромѣ послѣдняго, отчаяннаго усилія умирающаго, кромѣ конечнаго истребленія остальныхъ Русскихъ. До этихъ поръ мы мечтали о славныхъ подвигахъ; теперь вся перспектива нашего воображенія ограничивалась смертью. — Окончились шумныя наши бесѣды на ночлегахъ; молча сходились мы теперь другъ съ другомъ, молча пожимали другъ у друга руки и покачавъ головами, молча отирали навернувшуюся на глазахъ слезу. Болѣе всего боялись мы унизительнаго мира; смерть казалась намъ гораздо предпочтительнѣе.

Съ этими-то тягостными чувствами продолжали мы походъ. До Великихъ Лукъ ничего примѣчательнаго съ нами не случилось. — Тутъ при-

казано было остаться на два дни, побывать всѣмъ въ банѣ, исправить всю аммунищію и приготовиться на долгую, бивачную жизнь. Тутъ въ первый разъ услыхали мы о Французскихъ мародерахъ, отъ которыхъ въ Ильинскую пятницу почти весь городъ бѣжалъ. Тутъ нашли мы въ жителяхъ самый радушный, самый безкорыстный пріемъ. Ни за что не хотѣли съ насъ денегъ брать. Мнѣ нужно было купить нѣсколько фунтовъ сахару.—Купецъ отвѣсилъ и очень огорчился, когда я спросилъ: сколько ему слѣдуетъ? «Да за чтожъ, братецъ, я даромъ-то возьму у тебя?» —«За то, что вы наши защитники, наши спасители!» — «Да вѣдь если всѣ твои защитники придутъ брать у тебя товаръ безъ денегъ, такъ у тебя ничего не останется.» —«Да вѣдь я, батюшко, не одинъ и въ городѣ; насъ много, — и мы до вашего прихода положили между собою не брать съ васъ ни за что денегъ. На мое счастье вы пожаловали — и я радъ служить такою малостью вашему благородію!» — Я взялъ и поспѣшилъ домой, чтобъ разсказать всѣмъ объ

этомъ патріотическомъ безкорыстіи цѣлаго города; но мое извѣстіе было уже не новость. Многіе прежде меня испытали то же,—и къ чести всего ополченія должно сказать, что никто въ эти два дни не просилъ себѣ ничего въ запасъ, а довольствовался радушнымъ угощеніемъ жителей.—26-го Сентября выступили мы изъ этого походнаго Эльдорадо, чтобъ долго, долго не лежать на постѣли, не спать подъ крышею, не сидѣть за столомъ, не раздѣваться, не ѣсть и не пить вдоволь.—До сихъ поръ послѣ каждаго перехода привыкли мы къ вечеру у каждой деревнѣ встрѣчать нашихъ квартиргеровъ. Въ этотъ день нашли мы ихъ на обширномъ полѣ, съ одной стороны омываемомъ озеромъ, а съ другой увѣнчанномъ густымъ лѣсомъ. «Гдѣ жъ нашъ почлегъ? спрашивали мы на перерывъ у квартиргеровъ.» —«А вотъ гдѣ, отвѣчали они, и указывали на поле, утыканное колышками.—Эти колышки—была разграниченная межа между почлегами разныхъ дружинъ.—Только что размѣстили всю колонну, отрядили тотчасъ по взводу въ лѣсъ,—и пошла стукот-

ня, трескъ и ломка. Запылали костры, повѣсили котлы, начали вынимать провизію — и, благодаря Русскому досужству, чрезъ часъ нѣсколько сотъ плетеныхъ шалашей красовались уже на пустынномъ полѣ, — а чрезъ часъ потомъ и весь лагерь спалъ Русскимъ, богатырскимъ сномъ. — Иныя спали правда безпокойно, часто просыпались и выползали изъ шалашей, чтобы погрѣться у костровъ, поддерживаемыхъ часовыми; — чтожъ до меня касается, то молодость и во все не Сибаритская дотолѣ жизнь, усыпила меня наилучшимъ образомъ безъ просыпа до утра. Неутомошный барабанъ поднялъ насъ на разсвѣтѣ. Мы вскочили, побѣжали къ озеру помыться, перекреститься, затянули ранцы — и по вторичному барабану пустились далѣе. На другой день — такой же ночлегъ; — на третій судьба насъ еще разъ побаловала. Первый Литовскій городъ Невель принялъ насъ подъ свои крыши для ночлега и дневки. Но какую жестокую разницу нашли мы въ чувствахъ и пріемѣ жителей! Правда и здѣсь не требовали съ насъ денегъ; да за то

ничего и не давали. Обыватели косились на насъ и спрятали провизіи свои въ подвалы; купцы заперли лавки; одни космополиты—Евреи бѣгали вокругъ насъ, увѣряли каждаго въ неизмѣнной своей преданности къ Россіи и выманивали у насъ послѣднія деньги.

Выступя изъ Невеля очутились мы въ новомъ мірѣ. Переходы наши были уже совершенно на военной ногѣ. Авангардъ, патрули, при каждой Бригадѣ Артиллерія съ зажженными фитилями, каваллерійскіе разъѣзды, словомъ всѣ предосторожности, доказывающія близость непріятеля. Но гдѣ же онъ? — Сердца наши такъ и кипѣли нетерпѣніемъ крикнуть ему наше молодецкое: ура!

31-го Сентября пришли мы къ мызѣ Краснополье и на обширныхъ лугахъ, омываемыхъ рѣкою Дриссою, расположили свои биваки. Тутъ пробыли мы трое сутокъ, потому что мостъ чрезъ Дриссу былъ сожженъ нашими партіями въ то время еще, какъ опасались отступленія Графа Витгенштейна. Въ самую первую ночь слу-

чилась со мною непріятность. Когда дружина паша помѣстилась на биваки, то меня отправили къ ближнему озеру со взводомъ нижнихъ чиновъ содержать шикетъ. Подполковникъ, старый служивый, отправляя меня, полагалъ, что я вѣрно знаю: что значитъ *пикетъ* и какой церемоніалъ бываетъ при встрѣчѣ рундовъ? Я же съ полною невинностью думалъ, что ночевать все равно у озера, или на пашнѣ. Солдаты мои развели огонь, построили мнѣ шалашъ; я поужиналъ грѣшневой розмазни, развязалъ шарфъ, скинулъ ранецъ и преспокойно улегся спать. Но еще неуспѣлъ я и задремать, какъ унтеръ-офицеръ прибѣгаетъ ко мнѣ съ восклицаніемъ: «Ваше Благородіе! рундъ идетъ!» «Ну, такъ чтожъ? отвѣчалъ я потягиваясь.»—«Да надо принять его, продолжалъ онъ.» — «Милости просимъ, сказалъ я—и надѣвши фуражку, выползъ изъ шалаша. Вдругъ слышу очень неучтивые крики и вопросы: гдѣ? кто караульный офицеръ? — и передо мною очутился какой-то Генералъ, который обходилъ рундомъ, чтобъ видѣть нашу ис-

правность. «Что это значитъ? гдѣ вы, сударь, были? такъ ли встрѣчаютъ рундъ? — да какъ вы смѣли снять шарфъ и ранецъ?... и прочіе ласковые вопросы посыпались на меня съ милостивымъ обѣщаніемъ меня арестовать. Я хотя и не понималъ своей вины, но по Русски отмалчивался. Видя мою безотвѣтную боязливость, Генералъ догадался, что все это для меня арабская грамота — и спрося о моей фамиліи и дружинѣ, потребовалъ, чтобъ я ему повторилъ инструкцію, данную мнѣ тѣмъ, кто меня сюда поставилъ. Очень невинно отвѣчалъ я ему, что никакого наставленія не получалъ, — а подумалъ что сегодняшній ночлегъ похожъ во всемъ на прежніе, гдѣ мы во время почи ничего не были обязаны дѣлать. Генералъ улыбнулся, успокоился и послалъ за моимъ Подполковникомъ. Бѣдному старику досталось за меня порядочное головомытье— и тѣмъ все кончилось. Тутъ ужъ я половину ночи провелъ, чтобъ у стараго Армейскаго унтеръ-офицера выучиться всѣмъ тайнамъ военной науки, употребляемымъ при встрѣчѣ рундовъ, — и

второй рундъ былъ уже мною принятъ со всѣми церемоніальными пріемами. Послѣ того унтеръ-офицеръ сказалъ мнѣ, что больше никто не придетъ и можно уснуть до утра, — чѣмъ я и воспользовался съ особеннымъ удовольствіемъ.

4-го Октября выступили мы изъ Краснополья по новымъ мостамъ построеннымъ въ эти дни нашимъ ополченіемъ. Въ первый разъ увидѣли мы здѣсь Начальника ополченія Сенатора Бибикова, который выступя изъ С. Петербурга 3-го Сентября съ 1-ю колонною, шелъ съ нею другою дорогою (чрезъ Псковъ и Себежъ) и только здѣсь соединился съ нами. Онъ самъ командовалъ выступленіемъ въ походъ и былъ очень доволенъ нашею исправностію, потому что мы вовсю дорогу, на самомъ маршѣ, дѣлали разныя эволюціи и построенія колоннъ. Въ послѣдніе два дни пребыванія нашего въ Краснополье шелъ проливной дождь и бивачные наши шалаши были отъ него самою худою защитою. Мы все это время обсушались кое-какъ у огней, — но это была работа Пенелопы;—что обсыхало съ одной

стороны, промыкало въ то же время съ другой. Утро выступленія изъ Краснополья было ясное и теплое. Пройдя 11-ть верстъ, сдѣлали мы привалъ у раззоренной корчмы, отслужили молебенъ, выслушали рѣчь командующаго Генерала о близости непріятеля, прокричали ему ура!—и пошли далѣе. Отойдя еще 6 верстъ, вдругъ велѣно было остановиться и расположиться на бивакахъ у озера. Октябрскій дождь снова полилъ на насъ, — мы спѣшили состроить себѣ шалаши и расчитывали, что обсушимся и отогрѣемся у костровъ. — Ни тутъ-то было! — Непріятель былъ не далеко; онъ не долженъ былъ знать о существованіи и приближеніи нашей колонны, — и потому не велѣно было и огней разводить. Это уже было очень не пріятно!—Другая столь же сильная непріятность состояла въ томъ, что обозы наши остались въ Краснополье – и мы вмѣсто обѣда и ужина закусили черствами черными сухариками, которые были у солдатъ въ ранцахъ, размачивая ихъ въ озерной водицѣ. Въ довольно грустномъ расположеніи духа улеглись мы на

ночь въ шалашъ, наваливъ на него сверху какъ можно больше вѣтвей съ листьями, чтобы дождь не протекалъ,—и сдѣлавъ внутри шалаша точно такую же подстилку; а какъ природа всегда свое возметъ, то, повздыхавъ нѣсколько минутъ, заснули и мы. Новая непріятность разбудила насъ часа за два до разсвѣта. Дождь, не перестававши лить во все время, образовалъ изъ всего пространства нашихъ бивакъ — Озеро,—и вода подмыла наши шалаши и подстилку. Это было самое тягостное ощущеніе. Бокъ, на которомъ кто лежалъ свернувшись, очутился въ водѣ и промокъ до тѣла. Лихорадочная дрожь прогнала сонъ,— и помочь было не чѣмъ. Глубокая тишина окружала лагерь; ни погрѣться, ни обсушиться, ни даже выйти походить и согрѣться ходьбою — невозможно, — потому что сверху дождь, а снизу вода до полколѣна. Остатокъ этой ночи былъ самый тяжелый изо всего похода. (Въ 1813-мъ году, когда весною шли по Пруссіи, то отъ разлитія рѣкъ по низменнымъ мѣстамъ былъ одинъ переходъ, что вся колонна шла въ водѣ по колѣно болѣе ми-

ли, — но тогда все это время солдаты и офицеры не переставали смѣяться и шутить. Всѣ знали, что ввечеру и согрѣются, и обсушатся, и плотно поужинаютъ.) На разсвѣтѣ барабану некого было будить: всѣ давно уже не спали; не нужно было мыться; всѣ были вымыты съ ногъ до головы: безполезно было думать о завтракѣ: — ѣсть было нечего! — Какъ милости Божіей ждали всѣ втораго барабаннаго боя, чтобъ собираться въ походъ,—но на этотъ разъ и барабанъ намъ измѣнилъ; — ожиданіе было тщетно! Изъ Главной квартиры прислано было приказаніе: оставаться на мѣстѣ впредь до распоряженія. Это былъ послѣдній ударъ.

Чрезъ часъ судьба улыбнулась *мнѣ*. Я былъ посланъ въ арьергардный пикетъ. Это было на большой дорогѣ, гдѣ вмѣсто воды была только грязь—и гдѣ слѣдственно можно было поразгуляться. Помня свою пикетную неудачу въ Краснополѣ, я потребовалъ инструкціи,—и мнѣ сказали, чтобъ никого безъ строгаго допроса не пропускать по дорогѣ, донося тотчасъ же по командѣ.

Съ облегченнымъ сердцемъ отъ ночныхъ страданій, отправился я на свой постъ и очень важно началъ уминать грязь по дорогѣ, спуская остреемъ шпаги воду изъ лужъ въ канаву. Въ этомъ смиренномъ занятіи, которое меня развлекло и разсѣяло печаль, прошло нѣсколько часовъ. Наступилъ часъ обѣда — и солдаты принялись доѣдать послѣдніе остатки взятаго ими запаса сухарей. Я раздѣлилъ ихъ скромную трапезу,—а для сваренія въ желудкѣ пришлялся опять потомъ утаптывать свою дорожку. Незнаю отъ чего,— только этотъ день былъ самымъ долгайшимъ въ моей жизни. Поминутно поглядывалъ я на своего серебрянаго Вальтера,—стрѣлки не подвигались впередъ. Вдругъ около сумерекъ увидѣлъ я скачущихъ по дорогѣ всадниковъ и разумѣется остановилъ ихъ. Это былъ Русскій офицеръ въ сопровожденіи двухъ казаковъ. Онъ былъ очень не доволенъ, и остановкою, и моими распросами. Вмѣсто того, чтобъ отвѣчать мнѣ, онъ самъ меня сталъ распрашивать, кто мнѣ приказалъ останавливать въ арьергардѣ? и т. п. — Покуда

продолжались наши разговоры, явился и дежурный по цѣпи, который повторилъ пріѣхавшему мои же вопросы. Видя, что отъ насъ даромъ не отдѣлаешься, онъ объявилъ, что ѣдетъ отъ Графа Витгенштейна къ Генералу, командующему нашею колонною, съ приказаніемъ немедленно выступить — и объявить солдатамъ, чтобъ они готовились завтра къ сраженію. Какъ сумасшедшіе бросили мы обнимать офицера и козаковъ,— и тотчасъ же пропустили, не давши никому знать. Оставя свой пикетъ, бросился я къ своей дружинѣ и съ неописуемымъ восторгомъ объявлялъ всѣмъ слышанную радость. Всѣ встрепенулись. И дождь и голодъ, и вода, и безсонница: — все было забыто въ одну минуту. Всѣ поздравляли другъ друга; всѣ засуетились — и прежде чѣмъ пришло приказаніе отъ Генерала готовиться въ походъ, весь лагерь по моей милости стоялъ ужъ подъ ружьемъ. Могло бы мнѣ правда и за это достаться, — но въ это время всѣ забыли о подобныхъ упущеніяхъ.

Наконецъ мы вышли изъ этаго адскаго мѣста,

и съ наступленіемъ темноты пустились въ путь. Не вѣлено было ни пѣть, ни шумѣть, ни громко говорить, — но мы шопотомъ изъявляли другъ другу свою радость — и не смотря на грязь и темноту въ три часа сдѣлали 15 верстъ. Издали еще видно намъ было на небѣ какое-то зарево— и мы все ближе и ближе къ нему подходили. Наконецъ въ 9-ть часовъ вечера пришли мы къ селу Юревичамъ, гдѣ на обширнѣйшей равнинѣ расположенъ былъ на бивакахъ корпусъ Генерала Берга, составлявшій 1-ю линію войскъ Графа Витгенштейна. — Сколько разъ мы уже сами стояли на бивакахъ и грѣлись у горящихъ костровъ безъ малѣйшаго вниманія на картину, нами представляемую. Тутъ же величественный видъ этого благоустройнаго корпуса, эта необозримая равнина, усѣянная пылающими кострами, это великолѣпное зарево, борющееся съ темнотою Октябрской ночи, эта многочисленная артиллерія и и кавалерія, этотъ гулъ, шумъ, говоръ, движеніе, жизнь: все поразило насъ, все объяло наши сердца какимъ-то новымъ чувствомъ, въ кото-

ромъ мы сами себѣ не могли отдать отчета. — Насъ тотчасъ же размѣстили по тѣмъ полкамъ, съ которыми мы на другой день должны были дѣйствовать въ сраженіи; Армейскіе оберъ-офицеры приняли насъ радушно. Видъ, рѣчи, пріемы ихъ, разсказы о прошедшихъ битвахъ, остроты, анекдоты, все было для насъ ново. Съ робостію и неловкостію новичковъ обходились мы съ ними и отвѣчали на ихъ распросы. Впрочемъ все это продолжались не долго. Всѣ должны были заняться приготовленіями къ битвѣ. Солдаты стали чистить ружья и аммуницію,—а мы, посушась у костровъ, свернулись на голой землѣ, кто гдѣ пришелся и сладко уснули. Предстоящее сраженіе всякому изъ насъ мечталось во снѣ, — но для многихъ это былъ послѣдній сонъ въ жизни.

Съ разсвѣтомъ (6-го Октября!) проснулись мы. Утро было пасмурное,—но безъ дождя. Съ молчаливымъ благоговѣніемъ становились всѣ въ колонны и по командѣ выступали по назначенію. Наша дружина была послѣдняя. Ей было назначено съ Воронежскимъ полкомъ итти отъ Юрь-

евичъ влѣво лѣсомъ и прикрывать 24 орудія. Едва выступили передовыя колонны по большой дорогѣ, какъ начались выстрѣлы. Это уже было начало кровопролитнаго дня. Передовые посты непріятельскіе, не ожидая столь сильнаго нападенія, были смяты и быстро отступали, отстрѣливаясь. Покуда мы шли по равнинѣ, мимо насъ поминутно проносились каваллерійскіе отряды, и свои, и непріятельскіе. Это была рекогносцировка, которую паша каваллерія отражала и мы на все это смотрѣли съ любопытствомъ, не принимая никакого участія, и не воображая даже, что около насъ происходитъ уже начало сраженія. Вскорѣ вступили мы въ лѣсъ. Грязь была по колѣни; дорога ужасная, едва проходимая; лошади не въ состояніи были везьти орудій — и мы разумѣется сами принялись тащить ихъ. Эта просѣлочная дорога была не болѣе 8 верстъ до равнины, на которой лежитъ Полоцкъ и на которую мы должны были явиться съ нашими орудіями,—но мы цѣлые четыре часа бились съ ними по грязи и по кочкамъ, покуда вывезли ихъ

къ опушкѣ лѣса. Все это время слышали мы издали сильнѣйшую канонаду—и сердце разрывалось отъ нетерпѣнія. Мы воображали, что городъ возмутъ безъ насъ и что мы ужъ опоздаемъ. — Въ одномъ перелѣскѣ нашли мы только-что оставленные Французскіе бивакн и остановились тутъ отдыхать. Въ первый разъ еще удалось намъ видѣть землянки, отдѣланные для долговременнаго военнаго житья: рамы, двери и даже камелькн, столы, стулья, диваны, зеркала. — Все это было набрано Французами въ раззоренныхъ ими помѣстьяхъ, — и по расчету ихъ вѣрно назначено было на зимовку. Вышла не большая ошибка. Съ утра 6-го Октября они уже больше не видали этихъ роскошныхъ жилищъ.

Около 12-ти часовъ явились мынаконецъ у опушкѣ лѣса и сдавши наши орудія, прилегли въ кустахъ для отдыха. Тутъ въ первый разъ въ жизни увидѣлъ я ужасное дѣйствіе ядра. Чья-то несчастная лошадь лежала не вдалекѣ и обѣ переднія ноги ея были оторваны. Нельзя было безъ величайшей жалости смотрѣть на это бѣдное жи-

вотное, которое съ какимъ-то равнодушіемъ лизала тскущую изъ ранъ кровь. — Не долго дали намъ отдохнуть. Воронежскій полкъ, составлявшій нашу первую линію двинулся впередъ, а мы все еще остались на время въ резервѣ. — Замѣтя нашу новопоявившуюся изъ лѣсу колонну, непріятель направилъ на нее нѣсколько орудій съ кирпичныхъ батарей (онъ превратилъ кирпичный заводъ въ сильное полевое укрепленіе, употребя кирпичи на сдѣланіе шанцовъ и брустверовъ). Вдругъ одно ядро прожужжало надъ нашими головами и позади колонны врылось въ землю. — Всѣ мы, какъ будто отъ волшебнаго жезла присѣли. Какое-то непонятное чувство стѣснило грудь. Лихорадочная дрожь пробѣжала по жиламъ. Всѣ съ недовѣрчивостью взглянули другъ на друга, — и внутренно стыдясь своей слабости, каждый хотѣлъ ободрить другаго. Вдругъ еще другое ядро и то же движеніе. Полковникъ съ сердцемъ сталъ увѣщевать насъ, что эти поклоны и неприличны, и безполезны. — Не помню при которомъ ядрѣ мы его послуша-

лись, — но всякое однако производило въ сердцахъ нашихъ очень непріятное чувство. До сихъ поръ все это еще была игрушка, — вдругъ одно ядро попало въ ряды и вырвало двухъ солдатъ. Эта минута, это впечатлѣніе были самые тягостные. — намъ не дали впрочемъ времени обдумать психологически нашего положенія. Прискакавшій чей-то адъютантъ приказалъ Полковнику двинуться впередъ на подкрѣпленіе Воронежскому полку, на который непріятель сильно напиралъ. Не знаю для чего развернулъ онъ всю нашу колонну и колеблющеюся линіею, повелъ насъ противъ непріятеля. — Эта первая попытка была очень неудачна; мы не далеко ушли. Не успѣли мы пройти и ста саженъ, какъ три батареи, Богъ вѣсть откуда, начали насъ привѣтствовать съ разныхъ сторонъ и ядрами и картечью. Минуть пять шли мы еще впередъ съ какою-то опьянѣлостію и безчувственностію, вдругъ, какъ и отъ чего незнаю, только весь фрунтъ не выдержалъ, дрогнулъ и бросился назадъ. Не прежде какъ у опушкѣ лѣса остановились всѣ — и съ недоумѣніемъ

стали посматривать другъ на друга. Этотъ первый подвигъ не лестенъ былъ ни для кого. Полковникъ бѣсился, ругался, билъ солдатъ своею саблею и командывалъ: стой, равняйся! — кое-какъ образумились всѣ. Чувство стыда возвратило къ долгу. Всѣ наперерывъ стали ободрять солдатъ — и снова весь фронтъ двинулся впередъ уже ровно и рѣшительно. Снова принялись насъ осыпать съ батарей, — но на этотъ разъ сердца скрѣпились — и вся дружина медленно подвигалась впередъ. Тутъ влѣво отъ себя увидали мы тихо и стройно отступающихъ Воронежцевъ — и догадались, что мы передъ этимъ тоже отступали, но уже слишкомъ быстро. Пропустя мимо себя свою первую линію, мы замѣтили вдали подвигающихся впередъ непріятелей, остановились и начали перестрѣлку. Съ четверть часа продолжалась она и тутъ я въ первый разъ услышалъ музыку Карла XII. Свистъ пуль около ушей не производилъ уже большаго впечатленія, — Но за то дѣйствія ихъ были очень замѣтны. Помпут-

но солдаты и офицеры выбывали изъ фронта, а иные и на мѣстѣ ложились. — Между тѣмъ непріятель во время самой перестрѣлки все болѣе и болѣе къ намъ приближался, — потому что наша стрѣльба, какъ кажется, не очень была для него убійственна. Вдругъ Полковникъ скомандовалъ: прекратить пальбу! Офицеры за фронтъ! на руку! скорымъ шагомъ, маршъ, маршъ! ура! — Это наконецъ было по Русски; наконецъ мы очутились въ своей сферѣ. Грозная и веселая минута! — Быстро пошагали мы на встрѣчу непріятелю и вмѣсто скораго шага, — бѣжали ужъ бѣгомъ. Непріятельскій фронтъ не устоялъ, дрогнулъ и не дождавшись насъ, пустился со всѣхъ ногъ отступать, точно также какъ недавно мы отступили. На минуту остановилъ насъ Полковникъ, выровнялъ, приказалъ не бѣжать, а итти какъ можно ровнѣе, — и не видя предъ собою непріятеля, который укрылся въ кирпичные шанцы, рѣшился штурмовать ихъ. — Веселая наша побѣда намъ очень понравилась, — мы забыли и ядры и пули, и первый страхъ; разговорились

между собою, расшутились и съ дружнымъ крикомъ ура! пошли на кирпичные шанцы, изъ за которыхъ насъ порядочно осыпали. Помню, что въ это время подлѣ меня одинъ славный урядникъ, заряжая на ходьбѣ ружье (какъ говорилъ онъ: на всякій случай) пораженъ былъ пулею прямо въ лобъ между бровей въ ту минуту, какъ откусывалъ свой патронъ, чтобъ сыпать на полку, — и упалъ навзничь держа еще въ губахъ недокусанный патронъ. Чтожъ? я первый, который такъ недавно почти до слезъ былъ тронутъ страданіемъ умирающей лошади, я расхотался надъ торчащимъ во рту патрономъ, — и всѣ бывшіе вокругъ меня солдаты и Офицеры раздѣляли мой смѣхъ. Странная человѣческая натура! какъ скоро, какъ легко пріучается она къ страху и страданіямъ. — Скоро дошли мы и до кирпичныхъ Шанцовъ. Тутъ-то воображали мы будетъ резня и кровопролитіе! — Ожиданіе наше во все не сбылось. Шанцы достались намъ очень дешево. Прежде чѣмъ мы дошли до нихъ, добрая наша Артиллерія, которую мы недавно съ та-

кимъ усердіемъ на себѣ по грязи тащили, дружески отплатила намъ за этотъ трудъ. Съ перваго своего появленія обратила она огонь свой на эти батареи и шанцы и такъ хорошо дѣйствовала, что когда мы явились, — ни орудій, ни солдатъ уже тутъ не было. Видны только были одни остатки ужаснаго дѣйствія нашей Артиллеріи. — Въ самомъ дѣлѣ это была престранная мысль со стороны непріятеля: устроить брустверы изъ кирпичей. — Временною защитою отъ напора пѣхоты — могли они еще служить, — но при первомъ усиленномъ дѣйствіи Артиллеріи — эти же самые кирпичи, роздробляемые 12-ти фунтовыми ядрами, разлетались въ дребезги и убивали собственныхъ своихъ солдатъ. Доказательство этого видѣли мы, вступя въ оставленные шанцы; груды непріятельскихъ труповъ лежали по всему пространству бывшаго завода, — и мы очень были увѣрены, что въ смерти всѣхъ этихъ убитыхъ мы совершенно были не виновы. — Какъ бы то ни было, но мы взяли эти шанцы и очень были довольны своимъ подвигомъ. Здѣсь мы от-

дохнули съ $\frac{1}{4}$ часа. Кажется Полковникъ не имѣлъ дальнѣйшей инструкціи, самъ не зналъ: что ему дѣлать? — Тутъ стали мы очень спокойно осматривать поле сраженія и оно предстало намъ во всемъ великолѣпіи.

День былъ ясный, свѣтлый. Густыя облака пороховаго дыма величественно носились надъ сражающимися. Поминутно слышны были отголоски Русскаго: ура! Массы Кавалеріи носились по обширной равнинѣ взадъ и впередъ Вправо отъ насъ былъ какой-то загородной костелъ, превращенный тоже въ сильнѣйшую крѣпость, вооруженную на всѣ стороны многочисленною Артиллеріею. Влѣво довольно большое озеро, — а за нимъ необозримое поле. Впереди насъ городъ Полоцкъ: — цѣль нашихъ трудовъ и крови. Передъ нимъ мѣлкая рѣчка Полота, текущая въ глубокомъ и крутомъ оврагѣ, чрезъ который было два только моста: — по Себежской дорогѣ и со стороны Витебска. Нѣсколько времени любовались мы этою великолѣпною картиною, не понимая впрочемъ какія массы около

насъ двигаются? Куда и для чего онѣ направлены? и на чьей сторонѣ успѣхъ сраженія? Наконецъ увидѣли мы съ нашей стороны близко къ намъ идущую колошну. Мы вышли изъ шанцевъ. Это была 6-я дружина, идущая испытать первый непріятельской огонь. — Къ чести ея должно сказать, что хотя какое-то недоумѣніе и робость видны были на лицахъ всѣхъ воиновъ и Офицеровъ, но они мужественно шли впередъ и не собирались отступать по нашему. Но въ эту минуту мы ужъ забыли свою первоученку, а видѣли въ себѣ побѣдителей Баварской колоны, бѣжавшей отъ нашихъ штыковъ, и завоевателей кирпичныхъ шанцовъ. А потому-то мы и ободряли мимоидущихъ, и надъ ними (виноваты!) даже подсмѣивались. Особливо одинъ Офицеръ, изъ Нѣмцевъ, очень былъ забавенъ. Идя на правомъ флангѣ своего взвода, онъ, слыша свистящія около него пули, отмахивалъ ихъ всякой разъ рукою, а при грохотѣ ядра присѣдалъ почти до земли. — Давно ли еще и сами мы то

же дѣлали, а теперь все это казалось намъ очень забавно!

«Что вы тутъ дѣлаете? сердито закричалъ намъ какой-то Адъютантъ, увидавшій наше смирно-наблюдательное положеніе. На Воронежскій полкъ опятъ напраетъ превосходный непріятель, а вы тутъ стоите сложа руки!» Полковникъ нашъ отвѣчалъ ему что-то, — и послѣ короткаго съ нимъ объясненія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, свернулъ насъ въ густую колонну и повелъ влѣво, гдѣ мы издали уже видѣли сильную перепалку. Около полуверсты надобно было итти до нашего Воронежскаго Принципала, который отстаивался чудесным образомъ отъ Баварской колонны, бывшей по видимому вдвое его сильнѣе и направшей на него самымъ наглымъ образомъ. По дорогѣ привѣтствовали насъ съ какой-то непріятельской батарей картечью — и вѣрно это понудило Полковника, чтобъ дать меньше цѣли, развернуть насъ опять въ линію. Вскорѣ мы соединились съ Воронежскимъ полкомъ и наше прибытіе придало ему духа. Мы прим-

кнули къ правому ихъ флангу и съ жаромъ принялись за перестрѣлку. Нѣсколько времени шла эта обоюдная работа съ изрядньімъ успѣхомъ, съ тою разницею, что мы стояли на мѣстѣ, а Баварцы все ближе и ближе къ намъ подвигались. — Вдругъ увидѣли мы, что они прекративъ огонь, идутъ на насъ въ штыки. Эта наглость удивила насъ. Полковникъ въ ту же минуту выровнялъ и сомкнулъ нашъ фронтъ, скомандовалъ на руку — и не выжидая непріятеля, велѣлъ дружно и сильнѣе ударить на него. Раздалось привычное: ура! фронтъ нашъ двинулся; Офицеры отошли за фронтъ и обходили свои взводы, уговаривая солдатъ не робѣть. На этотъ разъ Баварцы не оробѣли, а съ дерзостію шли на насъ. Чрезъ нѣсколько минутъ оба фронта сошлись — и началась рукопашная. Наши солдаты были сильнѣе, смѣлѣе, но неопытнѣе. — Въ жару свалки они въ разныхъ мѣстахъ разстроили нашу линію и человѣкъ 20 Баварцевъ вдругъ прорвались сквозь нашъ фронтъ. Офицерская шпага была во все не равнымъ оружіемъ

противу ихъ штыковъ. Нѣкто Офицеръ Леонтьевъ былъ первою жертвою этаго неравенства; нѣсколько штыковъ въ грудь повергли его на землю безъ чувствъ. (Онъ выздоровѣлъ въ послѣдствіи и говорилъ, что это было самое непріятное чувство, когда холодный трехгранникъ лезетъ въ грудь). Подполковникъ нашъ, почтенный 60-ти лѣтній старикъ, будучи предъ этимъ раненъ картечью вѣн огу и оставшійся однако же во фронтѣ, былъ сбитъ съ ногъ ударомъ приклада въ голову. Упавъ на землю, выругалъ онъ Баварца сильными Русскими словами и лежа защищался еще шпагою отъ штыковъ. Все это продолжалось однако не болѣе двухъ минутъ. Прорвавшіеся Баварцы были всѣ переколоты, — линія по возможности сомкнута, — а минуты чрезъ двѣ и вся Баварская колонна опрокинута. Не слушая команды, бородатые наши Герои пустились за ними бѣжать и продолжали колоть. Большихъ усилій и даже ударовъ стоило Полковнику остановить и собрать этихъ храбрецовъ, тѣмъ болѣе, что въ эту минуту вѣрно коман-

дующій линіею Кор-де-батайль, выслалъ кавалерію (Ямбурскихъ драгунъ), чтобъ довершить пораженіе опрокинутой Баварской колонны. Остановясь снова въ бездѣйственномъ положеніи, Полковникъ ждалъ инструкціи дальнѣйшихъ дѣйствій, — и получилъ приказаніе, свернувшись въ густую колонну, отойти съ Воронежскимъ полкомъ за выстрѣлы къ резерву, а выслать только изъ полка и изъ дружины по взводу въ стрѣлки, для наблюденія за непріятелемъ. Вызвали охотниковъ, — и изъ дружины пошелъ я и Гротенъ. У насъ было до 90 человѣкъ стрѣлковъ, и мы, перекрестясь, пустились впередъ въ разсыпную. — На этой обширной равнинѣ, гдѣ на 10 верстахъ происходило сраженіе, насъ никто и не замѣтилъ. Битва кипѣла вправо отъ насъ, — и мы подойдя къ цѣпи непріятельскихъ стрѣлковъ стали съ ними очень дружески перестрѣливаться, не дѣлая много вреда другъ другу. Товарищъ мой шелъ все со мною. Онъ былъ сынъ богатаго купца и разсуждая теперь со мною на досугѣ, просилъ меня, что, если его убьютъ, то

вынуть у него бумажникъ и золотые часы. Не успѣлъ еще онъ и вымолвить своего желанія, какъ пуля попала ему прямо въ лобъ — и онъ палъ подлѣ меня. Съ горестію посмотрѣлъ я на него, покачалъ головою и забывъ о его приказаніи, отрядилъ двухъ солдатъ, чтобъ отнести его къ нашей колоннѣ. Происшествіе это сильно поразило и огорчило меня; я побѣжалъ ко всѣмъ моимъ стрѣлкамъ и толковалъ имъ, что надо непріятелю отплатить за смерть нашего товарища; они меня послушались — и мы съ яростію бросились впередъ на перебѣгающіе кучки непріятельскихъ стрѣлковъ. — Прорвавшись, разумѣется, сквозь ихъ цѣпь, мы добѣжали до какой то батареи, которая насъ не удостоила ни однимъ выстрѣломъ, — но какъ предъ батареею былъ ровъ и палисады, то мы и совѣтывались съ старымъ Армейскимъ Унтеръ-Офицеромъ: что намъ дѣлать? — «насъ, Ваше Благородіе, слишкомъ мало; насъ перебьютъ здѣсь даромъ. Воротимтесь-ко къ нашей колоннѣ. Это будетъ здоровѣе.» На этотъ разъ и я его послушался —

и мы тою же дорогою и довольно быстро стали отступать. — Вдругъ увидѣли издали огромную, черную массу непріятельской кавалеріи, несущуюся по нашему направленію. Мы тотчасъ же повернули вправо и успѣли добѣжать до пустыхъ кирпичныхъ шанцовъ (которые уже извѣстны читателю). Тутъ тылъ нашъ былъ обезпеченъ, — но мы вмѣсто того, чтобъ спрятаться за шанцы и притаиться, выстроились въ кучку впереди и ожидали: что будетъ. — Минуты чрезъ двѣ поравнялась съ нами и кавалерія, которую мы издали увидали. Это были Французскіе латники. Солнце ударяло прямо въ ихъ латы, конскіе хвосты развѣвались отъ ихъ шлемовъ, земля дрожала отъ топота ихъ коней, — словамъ это былъ великолѣпнѣйшій видъ. Дорого заплатилъ я за удовольствіе этого зрѣлища. — Вся эта огромная масса (не знаю противъ чего направленная) неслась мимо насъ, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія, кромѣ презрительныхъ взглядовъ, изрѣдка насъ привѣтствовавшихъ. Но мнѣ показалось неприлично видѣть непріяте-

ля и не стрѣлять по немъ. Я скомандовалъ своему войску — и оно съ жаромъ принялось за дѣло. — Эти внезапные выстрѣлы изумили кавалерійстовъ. Они приходились имъ во флангъ — и многихъ уже ссадили съ коней. Впрочемъ они продолжали свой путь, грозя намъ палашами, — мы продолжали имъ отвѣчать пулями, внутренно радуясь, что успѣли истребить съ полсотни непріятелей, которые намъ ничего не могутъ сдѣлать, потому что имѣютъ другое назначеніе. Вся колонна ихъ уже почти проѣхала, вдругъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ увидѣли мы, что задніе эскадроны остановились и поворотя къ вамъ стали объѣзжать нашу кучку. — Мы все таки продолжали стрѣлять. — Ругая насъ безъ милосердія, они все тѣснѣе и тѣснѣе смыкались около насъ. Чрезъ нѣсколько минутъ я замѣтилъ что стрѣльба наша стала утихать. «Чтожъ вы ребята не дружно стрѣляете?» „Да батюшко — ваше благородіе, патроны-то всѣ вышли» отвѣчали мнѣ нѣкоторые воины, — и тутъ-то я догадался, что положеніе наше очень плохо. Латни-

ки наконецъ совсѣмъ окружили насъ и командующій ими, кричалъ намъ, чтобъ мы сдались. Я объявилъ это моимъ солдатамъ, — но большая часть отвѣчала мнѣ: «не отдадимся басурману живыми въ руки. Авось Богъ поможетъ — и наши подойдутъ на выручку.» — Я закричалъ мой отказъ, — послѣдніе патроны на-скоро были истрачены. Тутъ латники врубились въ насъ — и началась рѣзня. О спасеніи нельзя было и подумать; всякой только продавалъ свою жизнь какъ можно дорожѣ и падалъ очень доволенъ, если успѣвалъ всадить штыкъ свой въ бокъ хоть одному латнику. Я думаю, что около получаса продолжалась эта забава; кучка моя ежеминутно рѣдѣла и скоро я остался одинъ, прислонясь къ кирпичному брустверу. Нѣсколько разъ кричалъ мнѣ непріятельской офицеръ, чтобъ я сдавался, — но я отвѣчалъ ему одпѣми ругательствами. Наконецъ добрались и до меня. Тутъ не много было труда. Съ первыхъ двухъ ударовъ палашами по головѣ я однако не упалъ, а невинною своею шпагою оборонялся, — и помню что

одного ранилъ по лѣшкѣ. а другаго ткнулъ остреемъ въ бокъ; не знаю кто изъ нихъ наградилъ меня за это пистолетнымъ выстрѣломъ, потомъ другимъ — но одинъ вскользь попалъ мнѣ въ шею, а другой въ ногу. Тутъ я упалъ — и тогда-то удары и ругательства посыпались на меня какъ дождь. На мнѣ былъ сертукъ, мундиръ и фуфайка, а сверхъ всего еще ранецъ. Все это было изрублено какъ въ шинкованную капусту, — и изо всѣхъ ударовъ только два еще по головѣ были сильны, одинъ въ руку самый незначущій, и одинъ съ лошади ткнулъ меня въ спину остреемъ палаша. Всѣ прочіе удары даже не пробили моей одежды, — Полагая меня совершенно изрубленнымъ, оставили они насъ наконецъ. Услыша, что они уѣхали, я открылъ глаза. Изъ головы моей текла кровь ручьями — и производила по мнѣ какую-то пріятную теплоту. Инстинктъ самосохраненія внушилъ мнѣ мысль: остановить бѣгущую кровь. Собравъ всѣ силы, развязалъ я свой шарфъ, (а онъ былъ нитяной!) туго обвертѣлъ имъ голову и прилегъ на кирпичь, преда-

вая жребій мой Всевышнему. — Отъ потери ли крови я ослабѣлъ, или отъ усталости всего этого дня, — но я почувствовалъ, что сонъ меня клонитъ. — Я закрылъ глаза и уснулъ. — Не знаю долголь продолжался мой сонъ, — но доктора говорили мнѣ послѣ, что онъ бы и до сихъ поръ еще продолжался, еслибъ наша дружина не пришла опять на это мѣсто. Она также сильно пострадала отъ этой каваллерійской атаки, но и латникамъ пришлось худо. Съ лѣва Воронежской полкъ и двѣ дружины приняли ихъ очень сильнымъ батальнымъ огнемъ; справа 12-ть орудій осыпали ихъ картечью, а съ тылу заѣхалъ имъ Ямбургскій драгунскій полкъ; — такимъ образомъ вся эта каваллерійская масса, оставивъ болѣе половины на мѣстѣ, также быстро понеслась назадъ, какъ недавно ѣхала впередъ. Въ слѣдъ за нею бросились Ямбургскія драгуны, а за ними пошли и наши пѣхотные колонны. Дойдя до кирпичныхъ шанцевъ, наша дружина увидала бывшее наше побоище, узнала всѣхъ своихъ и подняла меня, замѣтивъ еще признаки жизни. Когда я очнулся,

меня несли три солдата. Я просилъ ихъ остановиться, — не знаю за чѣмъ. Они исполнили мое желаніе, —и я спросилъ ихъ только: куда они меня несутъ? — перевязать ваши раны, отвѣчали они, — и тутъ я все бывшее вспомнилъ и почувствовалъ. Какъ сожалѣлъ я объ этой глупой минутной остановкѣ: она стоила жизни одному моему провожатому. Только что они меня снова подняли и понесли, вдругъ съ сильною болью почувствовалъ я, что задній солдатъ выпустилъ меня изъ рукъ и бросилъ; «что ты это, злодѣй, дѣлаешь?» сказалъ я ему со стономъ. Но онъ уже не отвѣчалъ; ядро наискось разорвало его почти пополамъ. Я вздрогнулъ, и просилъ остальныхъ двухъ какъ нибудь помочь мнѣ встать на ноги и вести меня поскорѣе. — Прихрамывая сколько силы мнѣ позволяли, добрелъ я до мѣста, гдѣ перевязывали раненыхъ. Боже мой! какое ужасное зрѣлище! Тамъ было гораздо хуже, чѣмъ на полѣ битвы. Лѣкаря, перемокшіе отъ крови, бросались какъ угорѣлые отъ одного къ другому и едва успѣвали подавать помощь. — Вскорѣ явил-

ся и ко мнѣ одинъ изъ Эскулаповъ и спрашивалъ: гдѣ я раненъ? — вездѣ! отвѣчалъ я — и онъ обглядя меня, покачалъ головою и не зналъ съ чего начать. Видя все платье мое изрубленнымъ, онъ полагалъ что это все раны — и сомнѣвался я думаю: не безполезный ли будетъ трудъ меня перевязывать. Впрочемъ онъ рѣшился начать съ головы. Развязавъ шарфъ, онъ хотѣлъ снять фуражку; но кровь уже запеклась и присохла; я просилъ его разрѣзать фуражку, чтобъ скидывая ее, не дѣлать мнѣ сильной боли. Онъ однако не согласился на это и сколько позволяла ему всеобщая торопливость этого дня, содралъ съ меня фуражку, взглянулъ довольно хладнокровно на раны, набросилъ на нихъ фунта два корпіи, обвертѣлъ меня бинтами — и принялся за другіе части тѣла. — «Что? смертельны ли мои раны? спросилъ я съ сильнобіющимся сердцемъ.» — «Теперь этаго нельзя знать, равнодушно отвѣчалъ онъ. Первая перевязка все рѣшитъ. Молитесь Богу. Впрочемъ кажется въ головѣ одинъ только ударъ повредилъ че-

репъ, и то слегка. Авось Богъ поможетъ.» — Все это говорилъ онъ при болѣзненныхъ моихъ стонахъ, исторгаемыхъ отъ снятія цирюльниками сапога съ раненой ноги. — Пуля прошла удивительно удачно сверху прямо въ мякоть — и не пробивъ на вылетъ сапога осталась въ слѣду. Лѣкарь вынулъ ее — и объявилъ мнѣ, что для лучшей безопасности нужно мнѣ отрѣзать эту часть ступня — и что онъ сей часъ сбѣгаетъ за инструментами, коими дѣйствовалъ у кого-то другой его товарищь въ это время. — Холодный потъ пробѣжалъ по жиламъ моимъ. Мнѣ ужасно было жаль разстаться, хоть и съ не большою частію ноги — но какъ разсуждать съ самовластнымъ докторомъ? Онъ ушелъ и что-то позамѣшкался. Въ это время проходилъ мимо меня другой и спросилъ: осматривали ли мои раны? Жалобнымъ голосомъ остановилъ я его и умолялъ посмотрѣть мою ногу: нужно ли ее шлить. Онъ наклонился, засунулъ пальцы въ рану (и я молчалъ!) — и объявилъ, что кость совсѣмъ не тронута и нималѣйшей нѣтъ надоб-

ности отнимать. Радостно уцѣпился я за него и не пустилъ до прибытія перваго. Тутъ стали они говорить между собою по Нѣмецки, — а какъ Богъ открылъ мнѣ эту грамоту, то и я вступилъ съ ними въ разговоръ на этомъ діалектѣ и какъ можно сладкорѣчивѣе уговаривалъ: не трогать ноги. Съ неудовольствіемъ согласился мой первый Эскулапъ, говоря что для моей же пользы хотѣлъ это сдѣлать, — и спросилъ: гдѣ я еще рапенъ. — «Нигдѣ ужъ больше! все! довольно! — отвѣчалъ я, умолчавъ о прочихъ царапинахъ, потому что боялся его охоты къ операціямъ. Перевязавъ ногу, оставили они меня, — и я поохавъ съ полчаса прилегъ къ бревну и опять заснулъ.

Когда я проснулся, то ужъ смерклось. Многочисленные костры пылали по всей равнинѣ, пальба умолкла, около насъ суетились Гродненскіе гусары, которые по диспозиціи войска должны были тутъ ночевать. Первое о чемъ спросилъ я: взятъ ли Полоцкъ? — и мнѣ отвѣчали, что нѣтъ! — Это извѣстіе меня чрезвычайно огор-

чило. За чтожъ, подумалъ я, погибло столько людей, — и цѣль битвы не достигнута? — «Такъ неужели мы разбиты? спросилъ я опять.» — «О нѣтъ! отвѣчали мнѣ гусары, — Французы загнаны въ городъ и завтра вѣрно мы пойдемъ на приступъ. А то вѣдь цѣлое лѣто стоялн лагеремъ здѣсь и грозились побывать въ Питерѣ. Нѣтъ остойся! — послѣ сегодняшней передряги скоро улетется домой.»

По благодаря гусаръ за это извѣстіе, я сталъ съ большимъ вниманіемъ всматриваться въ ихъ занятія. Они варили грѣшневую кашу и сбирались ужинать. Я вспомнилъ, что болѣе двухъ сутокъ уже, какъ былъ на самой строгой діэтѣ, — и голодъ росписывалъ моему воображенію Гусарскую кашу, какъ наивкуснѣйшее блюдо. — «Что это у васъ тамъ варится? спросилъ я самымъ дипломатическимъ тономъ.» — «Обыкновенно что, Ваше Благородіе, — каша! не прикажете ли отвѣдать, коли не побрезгуете.» — «Что за вздоръ братецъ; дай попробовать.» — Я дотащился до огня, у котораго виселъ артельный

котелъ, вооружился какою-то деревянною ложкою и подсѣлъ къ кашѣ.

«Да что это, братецъ, бѣлое-то торчитъ у васъ въ котлѣ? спросилъ я.»

«Это, сударь, сальный огарокъ; такъ для смаку.»

Огарокъ расхолодилъ мое воображеніе, — и я призадумался: ѣсть ли мнѣ кашу, или нѣтъ? — Наконецъ голодъ побѣдилъ всякое раздумье. Я хлѣбнулъ ложку, потомъ другую, потомъ третью, — и наконецъ не отсталъ покуда не былъ сытёшенекъ. — По благодаривъ Гусаръ, я подалъ одному изъ нихъ двугривенный, — но онъ чрезвычайно этимъ обидѣлся и не взялъ.

Раны мои внушали всеобщее уваженіе; всѣ обо мнѣ хлопотали, какъ уложить меня потеплѣе (ночь была очень холодна) и помягче. — Наконецъ я улегся и проспалъ до утра самымъ крѣпкимъ сномъ.

По утру пріѣхали нѣсколько повозокъ, — чтобъ вести раненыхъ въ Юревичи (гдѣ мы на канунѣ сраженія ночевали), — и тутъ распросилъ я обо

всѣхъ своихъ сослуживцахъ. — Изъ 16 Офицеровъ, осталось невредимыми только двое: Полковникъ и Адъютантъ его. Изъ 800 солдатъ дружины — стояло ввечеру во фронтѣ 96 человѣкъ.

Кое-какъ дотащились мы къ полудню до Юревичъ, — и всѣ раненые нашей дружины помѣстились въ одной лачужкѣ. — Здѣсь уже прибыли наши обозы — и наша діэта окончилась. — Къ вечеру услышали мы снова сильную пальбу, увидѣли зарево въ городѣ — и до тѣхъ поръ не ложились спать, покуда козакъ не привезъ намъ извѣстія, что Полоцкъ взятъ!

ГЛАВА II.

Отправленіе въ Полоцкъ. — Обозрѣніе поля битвы. — Пріѣздъ. — Перестрѣлка. — Наша квартира. — Отданная кровать. — Первая перевязка. — Раны выбриты. — Переводъ раненыхъ къ Езуитамъ. — Прекрасный пріемъ. — Знакомство. — Русской Езуитъ. — Вечера у Плацъ-Маіора. — Извѣстіе объ освобожденіи Москвы и о ретирадѣ Наполеона. — Наши чувства при извѣстіи. — Порывы въ Армію. — Раны закрылись. — Баня. — Раны раскрываются. — Отправленіе въ Армію. — Поля: Чашникъ и Смольянъ. — Прибытіе на канунѣ Березинскаго сраженія. — Переправа Наполеона. — Наши сужденія. — Бездѣйственность наша. — Небольшое участіе. — Видъ издали на знаменитую переправу во время битвы. — Переправа кончилась. — Слѣдующій день. — Обозъ на цѣлую версту. — Видъ у переправы. — Разборъ обоза. — Мы переходимъ за Березину. — Жестокіе морозы. — Рѣшительное растройство Французской Арміи. — Спасеніе Швейцарскаго капитана. — Отъѣздъ Наполеона. — Взятіе Вильны. — Отпускъ въ Вильну. — Наставленіе Виленскаго коменданта. — Квартира въ Петербургскомъ форштатѣ. — Хозяйскія дочери. — Ровость и неопытность. — Вечернія прогулки. — Выстрѣлы. — Отправленіе съ командою. Походная логика. — Происшествія на пути. — Двухъ-недѣльная дѣвка въ Шлиново. — Прусакъ Форштмейстеръ. — Хозяйская дочь. — Назначеніе свиданія. — Сонъ. — Пробужденіе. — Выступленіе — Переходъ въ Пруссію. — Пріемъ жителей. — Происшествіе близъ Велау. — Рѣшеніе Бургомистра. — Походъ къ Вислѣ. — Обозрѣніе Прейсишъ-Эйлау. — Маріенбургъ. — Прикомандированіе къ ополченію. — Походъ подъ Данцигъ.

Съ 7-го на 8-го Октября не спали мы цѣлую почти ночь. Радостное извѣстіе о взятіи Полоцка

и великолѣпный видъ отдаленнаго пожара, произведеннаго безсильною злостію отступающаго непріятеля, — все это волновало сердца наши. Притомъ же и чувство зависти сильно безпокоило насъ. Городъ взятъ, непріятель бѣжитъ, — и мы не участвовали въ этомъ подвигѣ, мы безъ пользы смочили Полоцкія поля нашею кровью. Преобидно! — Подъ утро зарево пожара погасло на небѣ — и мы заснули. — На другое утро получено приказаніе перевезти всѣхъ раненыхъ въ городъ. Многіе не согласились на этотъ переходъ по болѣзненности ранъ, — и остались въ лачужкѣ Юревичей. Я же съ большею частію товарищей — страдальцевъ горѣлъ нетерпѣніемъ явиться въ новопокоренный, обѣтованный Полоцкъ. Въ четверомъ усѣлись мы въ телѣжку — и скромненькая, обозная лошадка съ довольно веселымъ духомъ потащила насъ по большой дорогѣ. Толстый булыжникъ, которымъ изрѣдка было вымощено это Бѣлорусское шоссе, производилъ надъ нами очень непріятное дѣйствіе. Мы поминутно вскрикивали, охали — и

все таки продолжали съ жаромъ разсуждать о военныхъ и политическихъ происшествіяхъ. Вскорѣ открылось намъ наивеликолѣпнѣйшее зрѣлище. — Все поле сраженія 6-го Октября — лежало передъ нами, еще свѣжее, неубранное, заваленное грудами тѣлъ, подбитыми лафетами, ящиками, пустыми батареями и умирающими лошадьми. Осенняя трава полей имѣла мѣстами почернѣвшій отъ крови цвѣтъ. Вездѣ царствовало мрачное безмолвіе, уныніе и разрушеніе. — Тамъ гдѣ за два дни предъ тѣмъ гремѣли 400 орудій, гдѣ воздухъ раздираемъ былъ безпрерывными ура! гдѣ земля дрожала подъ топотомъ тысячей коней, — тамъ грустная тишина набросила на все пространство, на всѣ остатки грозной битвы — печальный покровъ смерти и ничтожества, — тамъ медленный стукъ колесъ телеги и говоръ четырехъ изувѣченныхъ, — одни нарушали унылое молчаніе. Влѣво отъ большой дороги виденъ былъ полуразрушенный костелъ, который 6-го числа такъ сильно поражалъ насъ своими орудіями; далѣе у горизонта видѣлось

озеро, которое прикрывало нашъ лѣвый флангъ, — но напрасно я напрягалъ всю силу зрѣнія: — моихъ достопамятныхъ кирпичныхъ шанцевъ не было видно. Это показалось даже обидно для моего самолюбія. То мѣсто, гдѣ я такъ храбро подставлялъ свою голову подъ палаши латниковъ, гдѣ палъ, искрошенный по видимому подъ ихъ ударами — то мѣсто сравнялось съ землею. — Бѣдная участь всѣхъ человѣческихъ дѣяній! Хлопочутъ, трудятся, жертвуютъ всѣмъ, чтобъ послѣ блеснуть — и чтожъ? Чрезъ нѣсколько времени не только забыты и они, и дѣла ихъ, — но даже и самые памятники ихъ дѣйствій изчезаютъ съ лица земли.

Въѣзжая въ городъ чрезъ на-скоро починенный мостъ, мы съ гордымъ самодовольствіемъ вспомнили, что первое войско, ворвавшееся въ стѣны Полоцка — было Ополченіе (12-я дружина). У заставы опросили насъ и дали провожатаго на квартиру. Съ этой стороны города все было такъ мирно, такъ спокойно, а вдали, на другомъ концѣ, слышны были ежеминутные выстрѣлы.

Тамъ на Двинѣ наше же ополченіе работало подъ непріятельскими ядрами и пулями. — Французы при отступленіи сожгли разумѣется мостъ, — и наши торопились теперь построить другой. Непріятельскія батареи, поставленныя у опушки лѣса на той сторонѣ, очень непріятнымъ образомъ мѣшали, правда, работѣ, — но наши солдатушки ужъ привыкли къ этому акомпанименту и только что поругивались, когда выстрѣлы слишкомъ часто прерывали ихъ занятіе.

Въ домѣ какого-то Еврея назначена была наша госпиталь — квартира. Четырнадцать раненыхъ Штабъ- и Оберъ-Офицеровъ помѣстились въ одной компатѣ, имѣвшей одну кровать и нѣсколько израненныхъ стульевъ. Но мы были въ Полоцкѣ — и эта мысль услаждала всякое горе. — Здѣсь мы въ первый разъ послѣ послѣдней дневки въ Невелѣ — пообѣдали. У насъ былъ супъ — и битая говядина. Какая роскошь! Какое наслажденіе! — Къ намъ пришелъ Адъютантъ нашего Полковника — и разсказалъ намъ бездну новостей, которыя еще болѣе увеличили наше весе-

лое расположеніе. — Витгенштейнъ получилъ въ этотъ день пакетъ отъ ГОСУДАРЯ, съ надписью: распечатать по взятіи Полоцка! — а онъ ужъ былъ взятъ. Пакетъ этотъ былъ: Указъ о пожалованіи его въ полные Генералы. — Мы тотчасъ же разумѣется выпили за здоровье новопожалованнаго, веселость наша еще усилилась — и мы до ночи провели время въ дружескихъ разговорахъ. — Ввечеру принесли намъ сѣна, соломы и нѣсколько грязныхъ матрасовъ. Кровать была одна — и всѣ разумѣется уступали ее старшему. Это былъ нашъ Подполковникъ, 60-ти лѣтній старикъ, который раненъ былъ въ ту минуту, какъ Баварцы прорвали на штыкахъ нашъ фронтъ (я въ 1-й главѣ описалъ этотъ случай). Но добрый ветеранъ не хотѣлъ этаго преимущества и повалился на полъ, на мягкую солому. Кровать же совѣтовалъ всему обществу уступить — мнѣ! Какое торжество для моего самолюбія! Напрасно я съ видомъ скромности отговаривался, — всѣ единогласно подтвердили рѣшеніе Подполковника — и кровать отдана была

мнѣ, какъ наиболѣе покрытому ранами. — Никогда не засыпалъ я въ такихъ пріятныхъ мечтахъ, съ такимъ гордымъ удовольствіемъ.

За то слѣдующее утро было самое непріятное для всѣхъ. — Это былъ день первой перевязки всѣхъ раненыхъ. — Признаки этой перевязки рѣшаютъ судьбу раненаго. — Если рана у него загноилась, — то онъ по всей вѣроятности вылѣчится, — если же въ ранѣ не будетъ матеріи, а окажется одно воспалительное состояніе, то онъ можетъ писать свое завѣщаніе. Мученія, которыя я терпѣлъ при этой перевязкѣ, превосходятъ всякое описаніе. Длинныя и густыя волосы, корпія и запекшаяся кровь, составили такую плотную массу, что Доктору невозможно было приступиться. Онъ велѣлъ меня выбрить. Цырюльникъ тотчасъ же приступилъ къ этой работѣ — и все шло хорошо покуда онъ не добрался до ранъ, — но тутъ онъ необходимо долженъ былъ задѣвать бритвою за раны — и боль была нестерпимая; страдальческій потъ выступалъ на лицѣ крупными каплями. Какъ

ни совѣстно было кричать при всѣхъ, — но я не выдерживалъ мученья и поминутно кричалъ и ругался. Наконецъ ужасная операція кончилась; Докторъ промылъ, осмотрѣлъ раны — и объявилъ мнѣ, что онѣ кажется не опасны. — Какое-то собственное чувство давно мнѣ говорило то же, но, признаюсь, Докторское подтвержденіе чрезвычайно меня обрадовало. Я уже рѣшительно сталъ щитать себя въ числѣ живыхъ, — и тотчасъ же началъ писать письма къ матери и къ знакомымъ, разсказывал имъ о моихъ подвигахъ съ самою напыщенною скромностію.

Въ тотъ же день перевели всѣхъ раненыхъ въ Езуитскій клястеръ. Это было одно изъ знаменитѣйшихъ заведеній въ Европѣ знаменитаго этаго братства. Оно имѣло 6 т. душъ въ Витебской губерніи, — и чтобъ сохранить все въ цѣлости отъ жадности Французовъ — они заплатили имъ милліонъ франковъ контрибуціи, — и четыре мѣсяца продовольствовали всю Главную квартиру Маршаловъ Удино и Сенъ Сира. — И насъ приняли они съ радушіемъ и заботли-

востію. Болѣе 300 Штабъ- и Оберъ-Офицеровъ размѣщены были по кельямъ и заламъ этаго огромнаго зданія — и отличный столъ обнаруживалъ искуство поваровъ и гастрономическія склонности этихъ *братьевъ во Іисусѣ.* — ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ пожаловалъ намъ тогда по рублю въ день столовыхъ всѣмъ раненымъ Офицерамъ — и мы разумѣется ассигновали эту сумму нашимъ хозяевамъ, — но они съ благороднымъ безкорыстіемъ отказались отъ платы — и цѣлый мѣсяцъ кормили насъ даромъ, предоставя намъ, пожалованные деньги на карманные расходы. — Сверхъ того дежурный Езуитъ два раза въ день посѣщалъ каждаго изъ насъ и спрашивалъ: не нуждаемся ли мы въ чемъ нибудь?»

Я имѣлъ случай познакомиться съ двумя изъ нихъ нѣсколько покороче. Одинъ 60-ти лѣтній Италіанецъ, — другой, — вообразите себѣ первоначальное наше удивленіе! — былъ Русской Дворянинъ и Костромской Помѣщикъ. — Воспитываясь у нихъ, онъ такъ напитался духомъ

братства, что рѣшился остаться въ немъ. Сначала видъ его производилъ на насъ какое-то непріятное дѣйствіе, но мало по малу мы свыклись съ этимъ чувствомъ и даже подружились съ этимъ полу-ренегатомъ, потому что безпрестанныя его попеченія объ насъ были намъ очень полезны и пріятны. — Оба мои новые знакомца доставили мнѣ по просьбѣ моей множество самыхъ рѣдкихъ и любопытнѣйшихъ книгъ, — и чтобъ время страдальческаго затворничества провести съ пользою, я бралъ у нихъ уроки Греческаго и Польскаго языка. — Когда же состояніе ранъ позволило уже выходить изъ Кляштера, то лучшее общество офицеровъ собиралось у Коменданта и Плацъ-Маіора. Оба были изъ Ополченія. — 12-я дружина, первая ворвалась въ Полоцкъ и за это Полковникъ ся Николевъ былъ сдѣланъ Комендантомъ, а Маіоръ Галченковъ — Плацъ-Маіоромъ въ новозавоеванномъ городѣ. Послѣдній въ особенности отличался истинно Русскимъ гостепріимствомъ и благороднымъ радушіемъ.

Вскорѣ получили мы извѣстіе радостное, восхитительное. Москва была свободна, — и Наполеонъ отступалъ!! — Сраженіе при Тарутинѣ и Малоярославцѣ достигнувъ до насъ въ самыхъ преувеличенныхъ видахъ, увѣряли насъ, что Французская Армія въ конецъ разбита, и что намъ останется только доколачивать бѣгущихъ. — Тогда-то мы вспомнили наши чувства, наши разговоры въ Епифаньевской пустынѣ, гдѣ впервые узнали о взятіи Москвы. Какое уныніе, какая мрачная безнадежность овладѣли тогда нашими сердцами. Теперь же вдругъ какой неожиданной переворотъ войны! Вся вооружешая Европа, предводимая первымъ Полководцемъ, вторгшаяся въ Россію, какъ на вѣрную и неизбѣжную добычу, бѣжитъ теперь, бросая пушки, обозы и тысячи плѣнныхъ. — Невозможно описать нашей радости. — Это надобно было чувствовать, — и чувствовать въ то время — единственное, священное! — Всѣ мы какъ сумашедшіе бѣгали, смѣялись, обнимали другъ друга, — и только изрѣдка сожалѣли, что наши старшіе

братья въ Главной Арміи побѣдами своими мало остявили нашъ работы. — Мудрено ли, что при такомъ расположеніи духа, мы выздоравливали, какъ богатыри въ сказкахъ.

Сила молодости и здороваго тѣлосложенія вскорѣ начали заживлять и мои раны самымъ быстромъ образомъ. Мѣнѣе нежели въ мѣсяцъ я уже могъ вездѣ прогуливаться, — и чтожъ? первымъ и безпрестаннымъ желаніемъ моимъ было поскорѣе отправиться въ Армію. Всѣ отговаривали, бранили, хотѣли даже насильно отправить въ Псковъ (тамъ жила моя мать), — но я самъ бранился, храбрился и не слушался. Головные мои раны затянулись, — объ остальныхъ я очень мало безпокоился. Чего жъ еще было думать? — Я хотѣлъ удивить всѣхъ. Черезъ мѣсяцъ явиться въ Армію съ полузалѣченными ранами. — Одно небольшое обстоятельство задержало меня еще на недѣлю. Рѣшившись непремѣнно отправиться, я по Русскому обычаю, за два дни до назначеннаго мною срока къ отъѣзду, пошелъ въ баню, — и какъ ужъ третій мѣсяцъ

не пользовался этимъ высокимъ наслажденіемъ, то и пустился париться съ сильнымъ чувствомъ Рускаго молодечества. — Вдругъ кто-то изъ товарищей съ испуганнымъ видомъ сказалъ мнѣ, — что у меня по лицу кровь течетъ. — Голова моя разумѣется была обвязана и часто обливаема холодною водою, — не смотря на это одна рана раскрылась, — и кровь пробивъ бандажи, текла по щекамъ. — Весь жаръ моей банной поэзіи мгновенно простылъ; холодная трусливость вступила въ права животнаго самосохраненія, — недавнее самохвальство превратилось въ самую скромную разсудительность — и я спѣшилъ поскорѣе домой. Все дѣло кончилось однако однимъ почти страхомъ. Докторъ побранилъ меня за то, что я безъ совѣта его пошелъ въ баню, перевязалъ голову — и чрезъ неделю я уже опять требовалъ своего отправленія въ Армію. — Никому разумѣется не нужно было удерживать меня, — и я по прекраснѣйшему зимнему пути полетѣлъ въ свою Дружину.

Въ 1812 году переходъ отъ осени къ зимѣ

былъ удивительно скоръ. Еще 10 Октября смотрѣли мы изъ своей кельи въ растворенное окно — и любовались теплымъ, прекраснымъ вечеромъ и живописными берегами Двины, увѣнчанными батареями и оканчивающимися весьма прозаическимъ лѣсомъ и болотами. 18-го Октября Двина уже замерзла, поля покрылись снѣгомъ и Русская зима вступила въ число вспомогательныхъ силъ нашей Арміи. — Съ какимъ веселъемъ летѣлъ я, чтобъ поскорѣе догнать нашъ корпусъ! Съ какимъ восторгомъ (и тайною досадою, что меня тутъ не было), смотрѣлъ я на поля Чашникъ и Смольянъ, гдѣ еще недавно Витгенштейнъ побѣждалъ третьяго Французскаго Маршала (Виктора), ему противопоставленнаго. Снѣгъ прикрылъ половину кровавыхъ слѣдовъ здѣшнихъ битвъ, но за то оставшаяся на виду, была еще разительнѣе, живописнѣе. — И здѣсь Ополченіе оказало много опытовъ храбрости, — но уже болѣе разсудительной, лучше направленной.

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ нашему корпусу,

тѣмъ извѣстія объ немъ становились важнѣе. Козаки разсказывали мнѣ, что самъ Наполеонъ кажется попадется въ руки Витгенштейна. У меня духъ захватывало отъ нетерпѣнія, чтобъ поскорѣе поспѣть къ такой знаменитой развязкѣ. 15-го Ноября достигъ я до бивакъ нашего отряда. Сколько радостныхъ новостей ожидали меня? Знаменитые дни подъ Краснымъ, давшіе Кутузову наименованіе Смоленскаго, гремѣли во всѣхъ разсказахъ. Армія Наполеона была, какъ говорили, въ щепки разбита, пушки всѣ захвачены и остатки разсѣянныхъ полковъ гонимы къ Березинѣ, гдѣ ихъ ждетъ окончательное пораженіе. — Погода способствовала вполнѣ оружію Русскихъ. Ранняя зима оказалась ненадежною; сдѣлалась оттепѣль, — и всѣ говорили, что это обстоятельство рѣшительно погубитъ Наполеона, потому что рѣка Березина, недавно еще ставшая, снова вскрылась. Наполеону непремѣнно надобно была черезъ нее отступать. Въ виду Арміи Чичагова, ждавшей его на той сторонѣ надобно было строить мосты. Сражаясь

съ Витгенштейномъ, ожидающимъ его съ правой стороны и отдѣлываясь отъ натисковъ Платова, свистящему ему въ уши съ затылка, надобно было переправляться черезъ Березину. — Мы за ранѣе торжествовали плѣнъ Наполеона. Событіе показало намъ, что мы не много обочлись.

Когда я явился къ Полковнику, то никто не хотѣлъ вѣрить моему скорому выздоровленію. Когда же увидѣли бандажи, не снятые еще мною изъ предосторожности и для теплоты, то всѣ меня бранили, — и говорили, что мое раннее прибытіе — или хвастовство, или глупость. — Я не оправдывался, потому что самъ не умѣлъ дать себѣ отчета въ настоящей причинѣ моей торопливости; теперь только я понимаю ее. — Это была просто — молодость, — и больше ничего.

Дружина наша, чрезвычайно уменшившаяся даже и съ прибылью изъ Госпиталей (200 человѣкъ изъ 800), была въ аріергардѣ. Я нѣсколько затруднялся въ своемъ костюмѣ, но Полковникъ позволилъ мнѣ оставить его въ томъ видѣ, какъ я пріѣ-

халъ. Именно: у меня не было теплой шинели, (т. е. ни холодной, потому что взятую изъ Петербурга отдалъ я послѣ Полоцкаго сраженія нашему баталіонному Адъютанту, раненому пулею въ животъ; этотъ бѣднякъ не поѣхалъ за нами изъ Юревичь въ Полоцкъ — и чрезъ нѣсколько дней умеръ: — разумѣется мнѣ было тогда не до шинели), — а ротный Начальникъ далъ мнѣ свой овчинный тулупъ, крытый китайкою, — и съ нимъ-то я явился, подпоясанный саблею, (первоначальная шпага, свидѣтельница и содѣйствовательница моихъ храбрыхъ дѣлъ, осталась безъ моего вѣдома у кирпичныхъ шанцевъ подъ Полоцкомъ). На головѣ былъ у меня широкой мѣховой чепчикъ съ ушами; однѣ ноги оставались въ беззащитномъ отъ холода положеніи, — по днямъ онѣ грѣлись ходьбою, а ночью близостію къ костру.

И такъ самое пламенное мое желаніе сбылось: я былъ опять въ Арміи! — и въ какую прекрасную минуту! Кровавая Драма нашествія приближалась по видимому къ развязкѣ, — и я

былъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, хоть правда въ числѣ Статистовъ, но все таки на сценѣ. Какой разгулъ для воображенія 17-ти лѣтняго офицера! Какіе случаи могли тутъ быть, чтобъ отличиться и прославиться. — И чтожъ? — Бывалъ ли кто такъ больно, такъ ужасно обманутъ въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ? Весь день 15 го Ноября гремѣла вокругъ насъ сильнѣйшая канонада, — а нашъ аріергардъ смирехонько стоялъ на мѣстѣ. Напрасно мы кусали себѣ губы и грызли ногти отъ нетерпѣнія, напрасно останавливали каждаго проѣзжающаго козака, — объ насъ никто и не подумалъ. Что могло быть обиднѣе? Ночью узнали мы однако чрезъ плѣнныхъ, что Наполеонъ завтра только явится. Въ эту ночь сдалась цѣлая дивизія Партуно, окруженная нашими войсками. — Новое горе! — Мы даже и въ этомъ подвигѣ не участвовали. — Впрочемъ 16-го Ноября надѣялись мы быть щастливѣе — и вознаградить себя за все.

Съ разсвѣтомъ снова загремѣла канонада со

всѣхъ сторонъ, — и вообразите себѣ нашу радость! Намъ велѣно было двинуться впередъ. Сколько сценъ, подобныхъ Полоцкимъ, ожидали мы теперь! Притомъ же самъ Наполеонъ былъ на этомъ день нашимъ противникомъ! Сколько славы! сколько случаевъ отличиться! Но судьба и на этотъ разъ рѣшилась быть къ намъ жестокою. — Знаменитая переправа, которую сохранятъ тысячилѣтія, которую съ тѣхъ поръ столько уже описывали и исторически, и романтически, которая и будущимъ легіонамъ писателей будетъ такимъ обильнымъ матеріаломъ для разительныхъ картинъ, трогательныхъ сценъ и философическихъ разсужденій, — эта переправа — происходила отъ насъ грѣшныхъ, верстахъ въ 2-хъ а мы, стоя на высотѣ у прикрытія 12-ти пушечной батареи Генерала Фока, видѣли только издали, нестройныя, волнующіяся массы непріятеля, толпившагося около рѣки и напирающаго къ мостамъ. Предъ этою массою стояли нѣсколько колоннъ Французскихъ — и съ удивительнымъ мужествомъ отражали всѣ наши усилія: добрать-

ся поближе къ переправѣ. Наконецъ отъ нашихъ выстрѣловъ, или отъ тяжести бросившихся на мосты людей, одинъ изъ нихъ обрушился и переправа кончилась. Я говорю переправа, — но тутъ то именно и начались картины ужасовъ, плача и отчаянія. Французская Армія почти вся уже успѣла перебраться на ту сторону въ эти два дни, — но обозы и всѣ небоевые люди остались на нашей. — Всѣ они толпились, тѣснились, пробивались къ рѣкѣ, къ мосту, — но его уже небыло — и передовыя толпы, сдавливаемыя задними массами низвергались въ воду, боролись съ волнами, старались переплыть, хватались за льдины — и съ криками отчаянія погибали. Разсказать, описать эти картины — не возможно. Онѣ принадлежатъ въ область поэзіи, самой чудовищной, самой изступленной. Историкъ, прозаикъ — не опишетъ вамъ и слабаго очерка этой грозной переправы. Уже одно это обстоятельство заставитъ содрогнуться каждаго писателя. Мы стояли за двѣ версты отъ моста, на высотѣ; худо могли видѣть и понять въ чемъ

дѣло, — но ужасные крики отчаянія всей этой массы погибающихъ людей такъ явственно были намъ слышны, такъ сильно потрясали наши чувства, что мы имѣли глупость не разъ проситься туда у Полковника для спасенія нещастныхъ. Мы забывали, что между ими и нами стоятъ непріятельскія колонны.

Къ вечеру все замолкло. — Корпусъ нашъ весь собрался на биваки, зажгли костры, — и тутъ-то начались разсужденія, споры и догадки. Чтожъ это все значитъ? Какимъ образомъ допустили Наполеона переправиться? Почему позволили ему даже мосты свои выстроить? Отъ чего Армія Чичагова не втоптала его опять въ рѣку когда онъ сталъ переправляться? Какъ Кутузовъ не по пятамъ его пришелъ къ рѣкѣ, чтобъ доколотить его? Все это занимало насъ почти цѣлую ночь. — Разумѣется всѣ мы, какъ важные и знающіе люди, осудили сперва Чичагова, потомъ Кутузова, а наконецъ даже и своего Витгенштейна. Все Березинское дѣло казалось намъ слабо, вяло, — не чисто.

»Избави Богъ отъ этакихъ судей!

На другое утро опять возобновилась канонада. Но это было уже послѣднее отданіе празднику, послѣднее прощаніе Французской Арміи, послѣдній привѣтъ ея Русской землѣ. Тутъ еще видѣли мы остатки этой великой Арміи, сильно борющіеся, храбро сопротивляющіеся, однимъ словомъ тутъ еще блеснулъ геній Наполеона и духъ его воиновъ. За Березиною — все это изчезло. Послѣ получасоваго прощанія пушечными выстрѣлами, Французы зажгли остальной мостъ, — и пальба прекратилась. Это значило, что и остальные перебрались. — Тутъ мы уже были вполнѣ хозяевами на правомъ берегу — и спѣшили къ мѣсту вчерашняго боя и ужасной переправы. Что же? — Картины ужасовъ сдѣлались еще разительнѣе, потому что погибающіе были не въ массѣ, а отдѣльными группами. За цѣлую версту не льзя было подойти къ берегу отъ оставленнаго Французами обоза. Кареты, телѣги, фуры, щегольскія коляски, дрожки, все это нагруженное Русскимъ добромъ, награ-

бленнымъ въ Москвѣ и по дорогѣ; подбитыя орудія, пороховые ящики, тысячи обозныхъ лошадей, спокойно пищущихъ пищи подъ снѣгомъ, или въ какой нибудь фурѣ; наконецъ груды убитыхъ и умирающихъ, толпы женщинъ и дѣтей, голодныхъ и полузамерзшихъ, все это такъ загромождало дорогу, что надобно было отрядить цѣлую дружину ополченія, чтобъ какъ нибудь добраться до мѣста переправы. Здѣсь картины были еще ужаснѣе. Вся рѣка наполнена была мертвыми. Въ отвратительнѣйшихъ группахъ торчали изъ рѣки, погибшіе въ ней вчера, а по берегу, какъ тѣни Стикса, бродили толпами другіе, которые съ какою-то безчувственностію посматривали на противоположную сторону, не заботясь о нашемъ появленіи и не отвѣчая на наши вопросы. — И офицеры и солдаты брали съ собою этихъ нещастныхъ, чтобъ покормить ихъ, окутать чѣмъ нибудь по теплѣе и сдать для отправленія въ Витебскъ. — При всемъ тогдашнемъ ожесточеніи нашемъ на Французовъ, бѣдствія Березинской переправы казались намъ до-

статочными, чтобъ примириться съ ними за пожары и истребленіе городовъ и селъ, за безчисленныя убійства, совершенныя надъ жителями, за тысячи погибшихъ въ битвахъ. — Мы не воображали тогда, что Березинскіе ужасы только начало гибельнаго ихъ періода, что это только вступленіе въ бѣдственную главу Исторіи ихъ нашествія, что за Березиною ждетъ ихъ гибель и истребленіе стократъ ужаснѣйшіе.

При разборѣ и расчисткѣ обоза многіе изъ нашихъ обогатились. Иные случайно, другіе умышленно. Нѣкоторые офицеры собирали книги, картины, атласы. Набожные отыскивали церковныя ризы и утвари. Хозяйственные люди — любили деньги серебренную посуду, ложки, миски, самовары, и т. п. Лѣнивые не получили ничего (я грѣшный былъ въ числѣ послѣднихъ)! Цѣлые два дни продолжали мы разбирать и расчищать обозъ — и все больше половины осталось на мѣстѣ.

Въ эти два дни исправлены были мосты на Березинѣ — и мы пустились вслѣдъ за Фран-

цузами, на выручку Арміи Чичагова, который истощивъ всѣ свои усилія, принужденъ былъ пропустить Наполеона, бывшаго все еще гораздо его сильнѣе. 20-го Ноября сошлись мы съ войсками Чичагова и пропустивъ ихъ впередъ, предоставили имъ всѣ лавры преслѣдованія. — Съ этой минуты начался ужаснѣйшій періодъ Французской ретирады. — Оттепель, такъ много мѣшавшая Наполеоновой переправѣ чрезъ Березину, вдругъ превратилась въ жесточайшіе морозы, какихъ мы и въ Петербургѣ рѣдко видывали. Стужа ежедневно усиливалась и постоянно остановилась на 23°—25° реомюра. Это ужъ былъ послѣдній, неотразимый ударъ для Французской Арміи. Нравственное ея состояніе совершенно упало, уничтожилось. Каждый привалъ, каждый ночлегъ ея — былъ ужаснымъ полемъ проигранной битвы; тысячи погибали въ величайшихъ мученіяхъ. Воины, пережившіе можетъ быть Аустерлицъ, Эйлау и Бородино, доставались намъ теперь очень дешево. Каждый козакъ бралъ ихъ десятками въ плѣнъ и приводилъ ихъ въ какомъ-

то безчувственномъ состоянiи. Они ничего не знали, не помнили, не понимали. Дороги были усѣяны ихъ трупами, — во всякой хижинѣ валялись они безъ призрѣнiя.

Въ переходѣ изъ *Касина* въ *Долгиново* спасъ я нечаянно одного Швейцарскаго Капитана. Мы проходили мимо лѣса. Снѣгъ былъ крѣпокъ и не глубокъ, и потому мы пользовались прекрасною погодою, сворачивая иногда съ большой дороги и гуляли по опушкѣ лѣса. Трупы замерзшихъ Французовъ кучами валялись по всѣмъ направленiямъ. Это зрѣлище было уже самое для насъ обыкновенное, — и никого болѣе не трогало, ни чьего вниманiя не привлекало. Вдругъ мнѣ показалось, что въ лѣсу у дерева, какое-то существо шевелится, качается. Съ машинальнымъ любопытствомъ побрелъ я туда, — и что же? Прислонясь къ соснѣ, стояло на колѣняхъ какое-то загадочное существо. Одежда его была самая фантастическая; — теперь она бы показалась презабавною. На головѣ привязана была тряпкою женская муфта; на плечахъ болталась

душегрѣйка; нижнее платье было все въ лохмотьяхъ, все сквозное и едва оставлявшее сомнѣніе къ какому полу принадлежало видимое существо. На ногахъ оставались однѣ голенища обвернутыя въ солому, сквозь которую виднѣлись голые пальцы. Этотъ получеловѣкъ держалъ въ рукахъ маленькое распятіе, вперялъ въ него мутные и неподвижные свои глаза и по шевелившимся губамъ видно было, что онъ молится, чувствуя приближающуюся смерть. — Давно уже мы были равнодушны ко всѣмъ видамъ страданій и кончины (*), но молитва воина умирающаго на снѣгахъ чужбины, — имѣла что-то необыкновенно трогательное. — Я кликнулъ нѣсколькихъ солдатъ, спросилъ было умирающаго кое о чемъ, — но онъ не могъ мнѣ дать никакого извѣстія, — стужа и голодъ лишали его

(*) Такъ напримѣръ Г*** К**** приказывалъ на бивакахъ подкладывать себѣ подъ головы и съ навѣтренной стороны нѣсколько замерзшихъ Французовъ, — и это вовсе не казалось тогда ни страшнымъ, ни ужаснымъ.

всякаго чувства и понятія; мы его подняли, перенесли на сани, окутали всѣмъ возможнымъ, влили ему въ ротъ нѣсколько рому, — и на авось привезли на ночлегъ. Онъ еще былъ живъ, — но надобно было вынуть его изъ саней, принести на рукахъ въ избу и положить. Тутъ новый пріемъ рому возвратилъ ему способность языка. Онъ слабымъ голосомъ заговорилъ по Нѣмецки, и кое какъ объяснилъ намъ, что онъ Капитанъ, Швейцарецъ, служитъ въ 32 полку — и прочія военныя и семейныя подробности. Мы его покормили — и подобнаго восторга отъ нѣсколькихъ ложекъ плохаго супа вѣрно еще никто не видывалъ на свѣтѣ! — Его осмотрѣли, — но къ щастію оказалось, что онъ еще не успѣлъ себѣ ничего отморозить. Одно крайнее изнуреніе отъ голода было бы причиною его смерти. На другое утро, собравъ ото всѣхъ товарищей все, что можно было отдать ему изъ одежды, мы заставили итти съ нами до перваго отправленія большаго отряда плѣнныхъ во внутренность Россіи. — Что съ нимъ послѣ случилось — никто

изъ насъ не знаетъ. Дай Богъ, чтобъ помощь наша возвратила его въ объятія семейства и друзей.

Пропустивъ впередъ Армію Чичагова, мы уже шли во все не по военному. Всякой ночлегъ располагались мы по деревнямъ, ночевали въ теплыхъ избахъ, ѣли порядочно, а пьые и пили до удовольствія. Наши военныя дѣйствія ограничивались собираніемъ по дорогѣ плѣнныхъ, а эта работа была самая миролюбивая. Они рады были сдаваться, потому что имѣли въ перспективѣ пищу, — а можетъ быть и одежду. Да и передовая наша Армія не больше насъ дѣлала. Морозы дѣйствовали за насъ вдесятеро сильнѣе — и отъ Березины до Нѣмана погибли болѣе 60 т. непріятелей, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла!

Вскорѣ мы узнали, что Наполеонъ уѣхалъ въ Парижъ — и оставилъ нещастныя развалины огромной своей Арміи на произволъ судьбы. Онъ ввѣрилъ ее Мюрату (Неаполитанскому Королю), — но и тотъ послѣдовалъ его примѣру. Евгеній, (Вице-Король Италіанскій) взялся быть Главно-

командующимъ и доказалъ свои отличныя способности, довезя плачевныя эти остатки до Эльбы, безъ значительныхъ уже потерь.

Сильные ли морозы или худо зажившіе мои раны были тому причиною, — но здоровье мое въ это время очень разстроилось — и меня отправили отдохнуть и полѣчиться въ Вильну, (28-го Ноября, городъ былъ занятъ Генераломъ Чаплицомъ и Полковниками Сеславинымъ и Теттенборномъ). Я оставилъ мою Дружину, и незналъ что на всегда!

Въ саняхъ, въ сопровожденіи одного деньщика, поѣхалъ я въ древнюю столицу Литвы, — и это двухдневное путешествіе дало мнѣ случай видѣть столько новыхъ эпизодовъ Французской ретирады, что при воспоминаніи объ нихъ невольный холодъ пробѣгаетъ по жиламъ. И физическое, и нравственное состояніе этихъ несчастныхъ воиновъ — превосходитъ всякое вѣроятіе, всякую возможность къ описанію. Во всякой избѣ, гдѣ я останавливался, чтобъ погрѣться, (потому что морозы все еще были самые

жестокіе), находилъ я кучи погибшихъ, — и по большей части все около затопленныхъ печей лежащихъ. Отмораживая ноги, руки, носъ и уши, — страдальцы, не зная тайны сѣвернаго климата: оттирать пораженные члены снѣгомъ, спѣшили отогрѣвать ихъ у огня; тотчасъ же дѣлался антоновъ огонь, апоплексическій ударъ — и несчастные, вмѣсто спасенія, находили всякой разъ смерть, у разведеннаго ими огня. Другіе же бродили по дорогамъ какъ привидѣнія, не зная сами куда и зачѣмъ? У многихъ я спрашивалъ: куда они идутъ? Всѣ отвѣчали: въ Вильну! Зачѣмъ? — «Тамъ Императоръ!» — вы ошибаетесь, въ Вильнѣ Русскіе, а Императоръ вашъ уѣхалъ въ Парижъ.» Недовѣрчиво качали они головою и продолжали путь вовсе въ противоположную сторону отъ Вильны. Никто не думалъ собирать ихъ какъ военноплѣнныхъ. Они очень спокойно шли между Русскими колоннами, — и вовсе этимъ не занимались.

Наконецъ прибылъ я въ Вильну, — и явился къ Коменданту со свидѣтельствомъ отъ своего

Полковника. Комендантъ покачалъ головою. «Лѣчиться здѣсь!» сказалъ онъ; неудачная мысль! Здѣсь все еще заражено пребываніемъ Французовъ, — и люди и дома. Въ гошпиталь я васъ не помѣщу, — тамъ мрутъ сотнями отъ гошпитальной Лихорадки. У жителей врядъ ли вы найдете хорошій присмотръ и радушіе. Всѣ они на насъ что-то косятся, а въ тихомолку и больше рады сдѣлать.» Я отвѣчалъ Коменданту, что желалъ бы быть помѣщенъ у кого нибудь изъ незначащихъ обывателей, у котораго скромностію и самыми умѣренными требованіями постараюсь не возбуждать мстительности. «Хорошо! — Я васъ пошлю въ Петербургской форштатъ, — тамъ смирнѣе. Но все таки берегитесь и будьте осторожны. При малѣйшемъ признакѣ какихъ нибудь замысловъ, увѣдомьте меня въ ту же минуту.» — Я откланялся — и поѣхалъ въ новое свое жилище. Оно было за городомъ, почти въ срединѣ Петербургскаго форштата на правой рукѣ. Домикъ чистенькой, свѣтленькой, предупреждалъ меня въ пользу хозяина, потому что

наружная чистота очень выгодная рекомендація для душевныхъ качествъ обитателей. Хозяинъ встрѣтилъ, и меня, и мой квартирный билетъ — очень хладнокровно. Не чемужъ впрочемъ было и радоваться. Особенной комнаты мнѣ не дали, а расположился я въ общей большой залѣ и на вопросы хозяина о моихъ требованіяхъ на столъ и питье, отвѣчалъ, что я вовсе не взыскателенъ и буду тоже самое ѣсть и пить, что у него за столомъ будутъ подавать. Отвѣтъ мой нѣсколько разгладилъ его лобъ. Осмотрѣвшись хорошенько, и не надоѣдая никому своими распросами, увидѣлъ я, что хозяинъ мой купецъ, незначительнаго состоянія. Онъ былъ вдовъ, имѣлъ двухъ дочерей — и не болѣе двухъ дней какъ освободился отъ нѣсколькихъ Русскихъ постояльцевъ. Мудрено ли, что появленіе новаго жильца ни чуть его не обрадовало. Онъ былъ пасмуренъ и неговорливъ, — но не оказывалъ однако никакихъ признаковъ явнаго не доброжелательства, — при концѣ же обѣда, даже сталъ со мною заговаривать. Будучи самъ отъ природы не словоохот-

ливъ, я не распространялся вдаль — и политическія наши сужденія оканчивались очень скромными: да, и нѣтъ! За то съ дочерьми его я гораздо скорѣе познакомился. Извѣстно, что съ сотворенія мира между постояльцами-офицерами и хозяйскими дочерьми всегда существуетъ какая-то врожденная симпатія. Легче всего она развивается съ Польками, усовершенствуется съ Француженками, а приводится къ окончанію съ милыми Нѣмочками. Къ сожалѣнію я былъ по этой части самый неопытный офицеръ во всей Русской Арміи, и вѣрно стыдливѣе и боязливѣе всѣхъ моихъ походныхъ хозяекъ, которыя по военно-походной логикѣ, всегда составляютъ принадлежность квартирующихъ офицеровъ. Я узналъ однако же тотчасъ, что старшую дочь зовутъ Барбою, (Варвара), а меньшую Юзефою. Старшая была красивѣе, веселѣе, смѣлѣе, а можетъ быть и опытнѣе. Меньшая застѣнчива, боязлива, рябовата и задумчива. 17-го лѣтній офицеръ, покрытый множествомъ ранъ, довольно интересное существо для дѣвушки, — и потому

обѣ взглядывали на меня довольно умильно. Сначала я отпускалъ имъ также нѣжные взгляды, крошечные вздохи, выбиралъ въ умѣ своемъ, къ которой обратить свою привязанность — и рѣшился — на меньшую. Многіе можетъ быть расхохочутся при этомъ выборѣ, — но какъ быть! Юзефа больше сходствовала съ моимъ характеромъ, — тогда какъ живость и веселость старшей меня изумляли и пугали. Барба скоро замѣтила мое предпочтеніе, — но вмѣсто того, чтобъ этимъ обидѣться, огорчиться, она начала помогать мнѣ, подшучивать надъ моею робостію и бранить сестру за ея молчаливость. — Отецъ всегда спалъ послѣ обѣда и въ это время мы оставались въ залѣ моемъ одни. Часы лѣтѣли быстро, весело. Но... honny soit qui mal y pense, — да не оскорбится ни чье скромное воображеніе этими часами! я былъ тутъ настоящимъ Молчалинымъ съ Софіею. «Какъ думаешь, чѣмъ заняты?.... «Онъ руку къ сердцу жметъ, изъ глубины души вздохнетъ — ни слова вольнаго!....» Не знаю, довольны ли были внутренно мои со-

бесѣдницы, что судьба послала имъ такого робкаго и неопытнаго обожателя: помню, что онѣ поминутно смѣялись между собою, — перешептывались, — но самолюбіе не допускало сознаваться, чтобъ это было на мой щетъ, а несносная застѣнчивость увѣряла, что иначе и поступать нельзя. Конечно 17-ти лѣтнее воображеніе рисовало мнѣ часто гораздо пріятнѣйшіе картины; я въ умѣ своемъ велъ предлинные разговоры, отпускалъ страстные тирады и доводилъ слушательницъ до сознанія во всепобѣдимой моей любезности, — но когда дѣло доходило, чтобъ всѣ эти умные фразы и восторги повторить матеріальнымъ образомъ, то какой-то страхъ стѣснялъ мою грудь; я откладывалъ до другаго дня — и все оставалось по прежнему.

Назначеніе квартиры въ форштатѣ, было мнѣ очечь полезно, потому что въ городѣ свирѣпствовала въ это врѣмя гошпитальная лихорадка, перешедшая изъ больницъ въ частные дома. До 15-т. Французовъ остались въ Вильнѣ при отступленіи. Большая часть погибла отъ неизлѣчи-

мыхъ болѣзней, коими заразила и жителей. Всякой день возами отправляли умиравшихъ за городъ, чтобъ похоронить въ отдаленіи.

Болѣзнь моя не имѣла никакихъ послѣдствій, недѣлю отдыха и хорошей пищи поправили меня почти за́-ново. Но на этотъ разъ я уже не рвался, не торопился въ Армію. Отъ того ли, что тогдашнія военныя дѣйствія не имѣли ничего привлекательнаго, или отъ того, что морозы расхолодили мою юношескую пылкость, — но я разсудилъ пожить тутъ сколько можно долѣе. Можетъ быть Юзефа была тоже одною изъ побудительныхъ причинъ этаго желанія, — тѣмъ болѣе, что мы оба непримѣтно становились смѣлѣе и разговорчивѣе.

Хотя разумѣется никому не было до того дѣла, выздоровѣлъ ли такой-то Прапорщикъ, или нѣтъ? но я по долгу совѣсти явился къ Коменданту и объявя ему, что чувствую себя совсѣмъ почти здоровымъ, просилъ дозволенія пробыть еще съ недѣлю въ Вильнѣ. Онъ безъ труда согласился, спросилъ: доволенъ ли я моимъ хозяиномъ? (о

хозяйкахъ онъ не спрашивалъ), приказалъ быть осторожнымъ въ обхожденіи съ жителями — и я воротился къ Барбѣ и Юзефѣ съ довольнымъ сердцемъ и умильной рожей.

Вскорѣ наскучила мнѣ однако затворническая жизнь. Я пустился бѣгать по городу, осматривать зданія, заведенія, окрестности и началъ отыскивать знакомыхъ. Въ военное время всегда ихъ найдешь, и съ ними началъ я уже изрѣдка измѣнять моей Юзефѣ, отлучаясь иногда на цѣлый день. — Подобныя прогулки не долго однако же продолжались; я было дорого за нихъ заплатилъ. Комендантъ былъ правъ. Навѣщая моихъ знакомыхъ жившихъ въ городѣ, я никогда не обращалъ вниманія на физіогноміи ихъ хозяевъ. Товарищи мои во все не имѣли моего порока: — робости и застѣнчивости — и хозяева ихъ частехонько косились на насъ самымъ значительнымъ образомъ. По Рускому — все трынь трава. Мы надъ ними подшучивали, задирали ихъ, приставали къ ихъ женамъ и дочерямъ — и въ подобномъ расположеніи духа часто въ одинъ вечеръ

переходили нѣсколько домовъ отъ знакомаго къ знакомому. Однажды вечеромъ, (ночь была очень темна, а освѣщенія Виленскихъ улицъ не льзя было похвалить), привѣтствовали насъ на улицѣ нѣсколькими выстрѣлами; кто и откуда — этаго нельзя было различить, — но темнота мѣшавшая намъ видѣть и догнать нашихъ непріятелей, вѣрно и имъ не позволила мѣтко выстрѣлить: ни кто изъ насъ и раненъ не былъ. Мы разумѣется обнажили сабли, сомкнулись — и скорымъ шагомъ пустились къ ближней гаубвахтѣ. Тутъ дали намъ конвой — и мы мирно разошлись по домамъ. На другое утро надобно было явиться къ Коменданту и донести ему обо всемъ. Но какъ подобные случаи были тогда не въ рѣдкость, доказательствъ же никакихъ не было, — то дѣло и кончилось, — а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились — и мои вечернія прогулки. Я разсудилъ, что гораздо здоровѣе и выгоднѣе быть робкимъ съ Юзефою, нежели храбриться противу ночныхъ выстрѣловъ.

Это происшествіе заставило меня однако серь-

ёзно подумать о возвращеніи въ Армію. Я объявилъ о желаніи своемъ Коменданту — и онъ сказалъ, что дастъ мнѣ знать на канунѣ, когда выступить. Для отправленія собирали по госпиталямъ выздоравливавшихъ всѣхъ полковъ нижнихъ чиновъ, — и смотря по числу команды, давали имъ двухъ или трехъ офицеровъ, которые по предписанному маршруту обязаны были вести ихъ въ Армію. Старшій офицеръ былъ всегда разумѣется ответственный Начальникъ команды— и иногда случалось, что этотъ главнокомандующій воображалъ себя полнымъ хозяиномъ всѣхъ проходимыхъ селеній и дѣйствовалъ самымъ деспотическимъ образомъ. Былъ одинъ нещастный примѣръ, что одного такого партизана подвергли всей строгости военнаго суда, потому что онъ уже и по замкамъ Польскихъ Магнатовъ сталъ забирать все что ему нравилось, не изключая и ихъ семействъ.

Узнавъ о скоромъ моемъ уходѣ, Юзефа и Барба сдѣлались печальны, отецъ гораздо ласковѣе, а я нѣсколько смѣлѣе. Послѣ обѣденныхъ на-

шихъ засѣданій стало уже мнѣ недостаточно, я началъ продолжать и вечернія до нельзя. Въ одно изъ нихъ Барба, утомясь скучнымъ моимъ расположеніемъ духа, ушла спать, и я осталася одинъ съ Юзефою..... Ну, и только!

На другое утро, когда я всталъ, ее ужъ не было въ домѣ. Отецъ (жестокій!) отослалъ ее куда-то, къ какой-то теткѣ. За что и почему?— не знаю. Барба мнѣ сказала по секрету, что во всемъ былъ я виноватъ, — и какъ я ни клялся ей въ моей душевной и тѣлесной невинности, — она смѣялась и не вѣрила. Мнѣ было очень досадно, потому что вѣрнѣе меня никто же не могъ знать объ этомъ. — Чрезъ два дни объявили мнѣ походъ — и я разстался съ моею любезною Вильною, которую съ тѣхъ поръ ужъ не видалъ.

Со мной отправили Офицера нашего же ополченія Поручика В. — Онъ былъ слѣдственно Главнокомандующимъ собраннаго отряда выздоровѣвшихъ нижнихъ чиновъ. Команда состояла изо ста человѣкъ разныхъ полковъ, — и мы пустились въ путь. Намъ дали маршрутъ по дорогѣ, гдѣ

большая Армія не проходила — и это обстоятельство было самое благопріятное для всѣхъ удобствъ жизни. — Товарищъ мой, старинный, военный служака, имѣлъ свою походную логику; изъ Римскихъ правъ онъ кажется проходилъ только о правахъ благопріобрѣтенія, а о правахъ чужой собственности, онъ во все не безпокоился. Сначала я почелъ долгомъ напомнить ему о вредныхъ пѳслѣдствіяхъ такого образа мыслей, — но какъ онъ, очень дружескимъ образомъ, отвѣчалъ мнѣ, что я слишкомъ еще молодъ, чтобъ судить объ этомъ и что онъ одинъ за все отвѣчаетъ, то я замолчалъ и сталъ безмолвно пользоваться его распоряженіями. Вскорѣ я къ сожалѣнію замѣтилъ, что моя филантропія дѣйствительно была бы не умѣста. — Или жители уже пріучены были къ самовластнымъ дѣйствіямъ военныхъ командъ, или собственное ихъ нерасположеніе къ Русскимъ было тому причиною, — но когда команда приходила на ночлегъ, то жители очень равнодушно объявляли, что у нихъ нѣтъ рѣшительно ничего, чтобъ накормить лю-

дей. Съ такимъ же точно хладнокровіемъ Поручикъ мой отвѣчалъ имъ всегда: «хорошо! мы сами сыщемъ.» И точно! онъ какъ будто зналъ всѣ закоулки ихъ жилья. Тотчаеъ отыскивалъ чуланъ, сламывалъ замокъ и находилъ всегда очень обильные припасы всякой всячены. Тутъ конечно бралъ онъ и больше чѣмъ было нужно, — но надо же было взять и въ запасъ. При командѣ всегда должны были быть двѣ, три фурманки, (сани, или телѣга), для складки аммуниціи и отдыха слабыхъ. Офицеры же прибавляли всегда и себѣ одну, чтобъ не трудиться итти пѣшкомъ, — но всякой день была исторія съ этими фурманками. Въ томъ селеніи, гдѣ команда ночевала, всѣ лошади изчезали, (хозяева угоняли ихъ въ лѣсъ). Надобно было и тутъ дѣйствовать по логикѣ моего товарища. Однажды добытыхъ лошадей онъ не отпускалъ до тѣхъ поръ, пока не доставалъ себѣ другихъ. Проводники всякой разъ почти уходили — и такимъ образомъ лошади становилися собственностію Поручика, какъ ближайшаго и законнаго наслѣдника хозя-

евъ. Когда же услужливые Евреи открыли намъ куда жители угоняютъ лошадей, то часть команды отправлялась въ лѣсъ и по слѣдамъ на снѣгу отыскивала спрятанныхъ лошадей, ловила ихъ и какъ завоеванную добычу приводила къ Начальнику отряда. Эти лошади ужъ разумѣется становились его благопріобрѣтеніемъ.

Маршрутъ нашъ шелъ чрезъ Троки, Ковно, Инстербургъ, Велау, до Кенигсберга, — но какъ товарищу моему во все не нравились города, гдѣ церемонность росписателей квартиръ и учтивая холодность жителей, мало давала намъ случаю погулять, то мы и останавливались все по деревнямъ, дѣлая по временамъ и дневки, (на два, на три дня), чтобъ отдохнуть. Такимъ образомъ дойдя до Нѣмена, мы рѣшились перейти его не въ Ковно, а въ деревнѣ Шлиново, верстахъ въ 15-ти по выше. Здѣсь мы нашли команду подобную нашей, которая проживъ болѣе недѣли въ этой деревнѣ, собиралась на другой день выходить. — Офицеры жили у одного фоштмейстера Прусака, — и мы помѣстились туда

же. Они разсказали намъ такъ много хорошаго о гостепріимствѣ жителей, что возбудили и въ насъ охоту пожить здѣсь подолѣе обыкновеннаго. У Форштмейстера было (опять) двѣ дочери. младшая была больна и у постели ея сидѣлъ безотлучно женихъ ея, какой-то Шляхтичь, житель той же деревни, скромно занимающійся хлѣбопашествомъ собственноручно; но старшая сестра (Анхенъ) была чудеснѣйшая дѣвушка. Отецъ ея вдовый старикъ, не могъ заниматься хозяйствомъ — и она издавна управляла всѣмъ домомъ. Квартировавшіе до насъ Офицеры разумѣется всѣ за нею волочились и подсмѣивались другъ надъ другомъ на щетъ взаимныхъ не удачь. Мнѣ, какъ первоученкѣ въ любовныхъ дѣлахъ, поручали они отмстить за нихъ — и я съ удовольстіемъ принималъ это порученіе, внутренно сознаваясь, что оно свыше силъ моихъ и что проклятая моя робость и неопытность будутъ очень плохими содѣйствователями въ великихъ предпріятіяхъ. — Пропировавъ на прощаньи цѣлую ночь, мы на другое утро остались одни, полными властите-

лями деревни, Форштмейстера и дочерей его.— Я тотчасъ же пріобрѣлъ полное уваженіе въ домѣ, потому что зналъ Нѣмецкій языкъ. Въ глазахъ стараго Прусака — это было первою моею добродѣтелью. Онъ больше всего любилъ Нѣмецкій языкъ, политику, вино и деньги. Меня же все это очень мало занимало; мнѣ гораздо болѣе нравилась его Лихенъ. Хотя по Логикѣ моего Поручика и она должна была считаться его принадлежностію, но видя, что я при взглядѣ на нее всегда таялъ, онъ очень великодушно уступилъ ее мнѣ, а самъ пошелъ по другимъ домамъ отыскивать занятій, съ строгою точностію возвращаясь въ свою главную квартиру въ часы завтрака, обѣда, чая и ужина.

Здѣсь мы услышали о первомъ отпаденіи союзниковъ Наполеона. Прусскій Генералъ Іоркъ отдѣлился отъ Макдональда, заключилъ съ Русскими Конвенцію неутралитета — и первый далъ Европѣ примѣръ Генерала, располагающаго политическою участью ввѣренныхъ ему войскъ, безъ

согласія своего Государя. Послѣдствія оправдали его поступокъ.

Конвенція Іорка распространила вездѣ какую-то увѣренность, что вскорѣ будетъ заключенъ всеобщій миръ. Этотъ слухъ приводилъ въ восторгъ всѣ сердца. — Намъ же съ Поручикомъ онъ служилъ самымъ не оспоримымъ предлогомъ остаться въ теперешней позиціи, впредь до обнародованія мира и до полученія дальнѣйшихъ приказаній.

Болѣе двухъ недѣль прожили мы въ Шлиново. Это было для меня самое веселое время. Любовь Анхенъ дѣлала для меня эту ничтожную деревню — прелестнѣйшимъ Эльдорадо. И — (вѣрно ни кто не повѣритъ!) — любовь наша была чистѣйшимъ Платонизмомъ. По моей застѣнчивости, она первая должна была ободрить меня — потомъ уже я сталъ и смѣлѣе и предпріимчивѣе. И здѣсь, какъ въ Вильнѣ, сестра ея выздоровѣвшая въ это время, была нансильнѣйшею моею помощницею — и поощряла меня къ рѣшительнымъ атакамъ, — но я все откладывалъ и

наслаждался моральнымъ образомъ. — Часто мы съ Анхенъ ѣзжали въ Ковно -- и она закупала мнѣ тамъ все возможное (виноватъ! на свои деньги), и какъ дитя радовалась, когда сюрпризы ея меня восхищали. Но какъ, не смотря на мою робость, мы оба часто чувствовали, что мнѣ 17-ть, а сй 19-ть лѣтъ, то Богъ вѣсть нравственно ли бы я окончилъ свое любовное похожденіе, еслибъ одно событіе, долженствовавшее быть развязкою въ самомъ пріятномъ отношеніи, не превратилось вдругъ въ отношеніе во все не благопріятное, — отъ котораго мнѣ само-му до сихъ поръ еще совѣстно.

Подстрѣкаемая сестрою, моею оперившеюся любовью и собственными своими чувствами, Анхенъ рѣшилась наконецъ однажды назначить мнѣ свиданіе. Мѣсто rendez-vous условлено было въ спальнѣ сестры, часъ спустя послѣ вечерняго прощанія съ отцомъ и всеобщаго размѣщенія по комнатамъ и кроватямъ. Можно вообразить себѣ мой восторгъ, мое щастіе, мое нетерпѣливое ожиданіе! Правда сквозь всѣ эти пріятныя ощу-

щенія, невольный страхъ тѣснилъ грудь мою, и сдавливалъ дыханіе, — но я приписывалъ это нетерпѣливости влюбленнаго, готовящагося на такой важный шагъ въ своей жизни. — Проведя весь тотъ вечеръ въ милыхъ разговорахъ о политикѣ съ старикомъ, я наконецъ заговорилъ его до зѣвоты. Мы простились и разошлись! Я спалъ въ одной комнатѣ съ Поручикомъ, но какъ я не разсудилъ сдѣлать его моимъ повѣреннымъ въ приготовляемомъ свиданіи, то и рѣшился выждать, пока онъ заснетъ. Я зналъ, что онъ не долго заставитъ себя ждать. Дѣйствительно чрезъ 10 минутъ онъ уже громогласнымъ образомъ увѣдомилъ меня, что спитъ богатырскимъ сномъ. — Погася свѣчу, я погрузился въ самые сладостныя мечтанія и укорялъ медленность маятника, котораго однообразное щелканье что-то лѣниво сдѣлалось сего дня. Мы всегда ложились въ 10-ть часовъ. По условію надобно было ждать, когда стѣнные часы ударятъ 11-ть. Какая скука! Вся косморама моихъ мечтаній, нѣсколько разъ уже пройденная, стала становиться запутаннѣе, не

связнѣе. Я пріискалъ новые матеріалы, — но и тѣ клубились въ воображеніи моемъ съ какимъ-то безпорядкомъ. Мало по малу однако же привелъ я свои мечты въ правильный, систематической ходъ. Мнѣ сдѣлалось теплѣе, пріятнѣе, спокойнѣе. Съ воображаемымъ равнодушіемъ ждалъ я роковаго боя часовъ — и ждалъ съ такимъ философическимъ терпѣніемъ, ... что опомнился.... по утру. —

Каково же было первое мое ощущеніе! — Я проспалъ Русскимъ богатырскимъ сномъ всю ночь. Вѣроятно заснулъ съ самаго начала еще моего ожиданія и моихъ мечтаній, — а все послѣдующее было уже во снѣ. — Ужасное пробужденіе! — Я не рѣшался вставать. Хотѣлъ притвориться больнымъ, — и вдругъ услышалъ голосъ моего Поручика, вступившаго со мною въ утренній разговоръ. Мнѣ право во все было не до его вопросовъ, — но учтивость требовала отвѣтовъ, — и я скрѣпясь отвѣчалъ вкривь и вкось. Это однако развлекло нѣсколько мое отчаяніе и подало мнѣ самую щастливую мысль. Чтобъ скрыться отъ

стыда и упрековъ, я началъ умолять Поручика выступить тотчасъ же въ походъ.

«Богъ съ тобою! Что за мысль! » Отвѣчалъ онъ мнѣ. Намъ здѣсь хорошо. Въ Арміи дѣлать нечего. У тебя здѣсь любовшика.... »

Всѣ убѣжденія его краснорѣчія были напрасны. Я не отставалъ, и какъ, не смотря на старшинство свое передо мною, онъ имѣлъ ко мнѣ искреннюю привязанность и уваженіе, то вздохнувъ, сказалъ! «Ладно! пусть будетъ по твоему Завтра по утру походъ! » Съ этимъ словомъ свиснулъ къ себѣ деньщика, велѣлъ позвать фельдфебеля, отдалъ приказъ: готовиться къ выступленію, — и я съ малодушною радостію бросился его обнимать.

Вскорѣ весь домъ проснулся — и всѣ сошлись у отца въ спальнѣ пить кофе Какъ уличенный преступникъ, явился я предъ Анхенъ — и отведя ее въ сторону, разсказалъ приготовленную мною ложь. Съ непритворнымъ смущеніемъ и со слезами на глазахъ сказалъ я ей, что завтра походъ — и что это такъ меня поразило, такъ

разтрогало , что я, какъ сумашедшій, не зналъ отъ тоски цѣлую ночь что́ дѣлать. Извѣстіе мое было неожиданно. Она заплакала и рыдая объявила всему семейству. Всѣ удивились — и огорчились, — даже самъ старикъ. Хоть онъ и любилъ экономію, которую наша продолжительная дневка сильно разстроивала, — но двѣ недѣли такъ сильно свыкли его съ нами, что мы принадлежали уже къ его семьѣ и разлука съ нами была ему очень тягостна.

Всѣ приступили къ Поручику съ вопросами о причинахъ столь скораго выступленія — и получили очень лаконическій отвѣтъ: такъ надо! Завтра маршъ! »

Весь день провели въ горевань, слезахъ, объятіяхъ, увѣреніяхъ въ вѣчной вѣрности, — и на другой день..... мы уже были за границею Россіи.

Это было во все новое для меня чувство. Идя на защиту отчизны, оскорбленной дерзскимъ нашествіемъ всѣхъ силъ Европы, я не воображалъ тогда, что менѣе чѣмъ въ полгода, мы будемъ уже

за Нѣманомъ, хлопотать о свободѣ другихъ народовъ. До появленія Русскихъ войскъ за Нѣманомъ и Вислою, вся Европа, обманутая бюллетенями Французской Арміи, ни какъ не вѣрила партикулярнымъ слухамъ, разносившимся о совершенномъ истребленіи исполинскаго вооруженія двинувшагося въ Россію. Даже знаменитый 29-й Бюллетень очень поверхностно говорилъ о небольшихъ потеряхъ великой Арміи, — но появленіе Русскихъ — и жалкая горсть отступавшихъ съ Евгеніемъ Французовъ, сорвали повязку съ глазъ ослѣпленныхъ народовъ. Ругательства и проклятія посыпались со всѣхъ сторонъ на побѣжденнаго въ первый разъ Наполеона. Властолюбіемъ его окованные народы, съ нетерпѣливою яростію загремѣли возложенными на нихъ цѣпями и первая Пруссія — рѣшилась на послѣднее, отчаяное усиліе къ возвращенію политической своей независимости. Ослабленная многолѣтними бѣдствіями и униженіемъ, Пруссія чувствовала, что успѣхъ борьбы съ Наполеономъ требовалъ неимовѣрныхъ, отчаянныхъ усилій

всѣхъ сословій народа, и что неудача влекла за собою Политическое ничтожество, въ которое вѣрно бы низвергъ ее раздраженный побѣдитель. Но въ подобныя-то минуты судебъ народа, развертываются истинныя силы и духъ гражданъ. Пруссія выдержала это жестокое испытаніе; выдержала его съ такимъ трудомъ, такими пожертвованіями и такою славою, что едвали потомкамъ тогдашняго ея поколѣнія останется чѣмъ либо возвысить ея подвиги. — Какъ сильны и величественны были тогда воззваніе Короля къ подданнымъ! Онъ не скрывалъ ни предстоящихъ трудностей, ни требуемыхъ жертвъ, ни угрожающихъ опасностей, — но, опираясь на Вѣру въ Провидѣніе и на любовь народа, онъ съ благородною смѣлостію вызывалъ всѣ сословія къ знаменитому дѣлу: освобожденія Отечества, къ начатію новой Эры существованія Пруссіи.

Можетъ быть сужденія мои и похвалы Пруссакамъ покажутся пристрастными. Сознаюсь въ этомъ пристрастіи. Оно осталось во мнѣ съ той великой Эпохи. Будущіе Историки будутъ очень

хладнокровно въ кабинетахъ своихъ разсуждать о тогдашнихъ событіяхъ Европы, но, кто не былъ очевидцемъ, ни когда не въ состояніи сдѣлать вѣрнаго объ нихъ изображенія. Всего примѣчательнѣе, всего сильнѣе, всего труднѣе, для Историческаго разсказа: — это духъ, оживлявшій тогда всѣ сословія народа. — Кто повѣритъ теперь, что эти же самые Флегматическіе Нѣмцы, которымъ политика и кружка пива — одно и тоже, — тогда съ невыразимымъ Энтузіазмомъ бѣгали, кричали, дѣлались воинами и подъ восторженную пѣснь своихъ Бардовъ, летѣли на берега Шпрее умирать за свободу Пруссіи.

Можетъ быть одною изъ главныхъ причинъ моего пристрастія къ Прусакамъ, и то еще, что они насъ принимали съ такимъ радушіемъ, съ такою ласковостію и услужливостію, что воспоминаніе объ нихъ всегда будетъ самымъ пріятнымъ чувствомъ. — Послѣ косыхъ взглядовъ и недоброжелательства, вдругъ перейти къ такимъ людямъ, которые щитаютъ тебя своимъ избави-

телемъ и рады съ тобою дѣлить все свое имущество — это такое удовольствіе, которое гораздо легче чувствовать, чѣмъ выразить.

Да и вся земля, весь бытъ жителей, населенность, трудолюбіе, образованность ихъ, — послѣ дымныхъ хижинъ Литвы, послѣ грязнаго, и не просвѣщеннаго крестьянина Самогитіи, послѣ всеобщей бѣдности и лѣности, — представляетъ такой переходъ, что по неволѣ будешь пристрастенъ къ Пруссіи. — Въ деревнѣ Шлиппово прожили мы двѣ недѣли, потому что нашли тамъ ласковое семейство Прусскаго Форштмейстера, — а теперь на каждомъ шагу, въ каждомъ домѣ принимали насъ въ десятеро лучше.

Инстербургъ былъ первый Прусскій городъ, который я увидѣлъ. Мы рѣшились сдѣлать въ немъ дневку. Насъ осыпали ласковостію и угощеніемъ. Къ нашему хозяину собрался весь городъ, чтобъ послушать моихъ разсказовъ о походѣ, о Березинѣ, о морозахъ и о бѣдствіяхъ Французской Арміи. — Мое Нѣмецкое краснорѣчіе удивило и разстрогало всѣхъ. Было правда нѣ-

сколько скромныхъ сомнѣній на щетъ дѣйствительности моего Рускаго происхожденія, но я съ самодовольнымъ видомъ увѣрялъ ихъ, что всѣ Петербургскіе Офицеры также хорошо говорятъ по Нѣмецки.

Здѣсь въ первую ночь былъ я изумленъ даннымъ мнѣ одѣяломъ. Это была пуховая перина, которою непремѣнно должно было одѣваться. Напрасно я просилъ простаго одѣяла, горничная сказала мнѣ, что такими одѣваются только въ деревняхъ. Этотъ резонъ былъ достаточенъ, я замолчалъ — утонулъ въ волнахъ пуха, и засыпая, разсуждалъ, что это Спбаритство очень пріятно. Въ послѣдствіи я уже привыкъ къ этой роскоши — и теперь подъ старость, воспомшная объ ней, сожалѣю, что у насъ не въ модѣ подобные пуховики.

Отсюда я написалъ къ своимъ первое заграничное письмо. Какое разгулье для хвастовства А кто въ молодости не любилъ прикрасить своихъ подвиговъ? Помню однако, что кромѣ наду-

тости разсказа, я былъ довольно скроменъ въ описаніяхъ.

Изъ Инстербурта пошли мы на Велау. Это было 6-го Февраля нашего стиля. Послѣ сильной зимы наступила ранняя весна. Жаворонки пѣли по полямъ. Крестьяне работали уже на своихъ нивахъ. Для Петербургскаго жителя, увѣреннаго въ постоянствѣ своего климата, появленіе весны въ началѣ Февраля — было очень любопытно и пріятно.

Я сказалъ выше, что Маршрутъ, данный намъ изъ Вильны, шелъ на Велау и Кенигсбергъ; — но какъ мы очень мѣдленно спѣшили во все это время, то и не знали, что военная дорога была уже перемѣнена; печатными объявленіями по городамъ сообщалось идущимъ Командамъ, что вмѣсто Велау, они должны итти на Алленбургъ, Прейсишъ-Голландъ, Эйлау къ Маріенбургу на Вислу. Не знаю, читалъ ли объ этомъ мой Поручикъ, — но только онъ не полагалъ себя въ обязанности перемѣнить своего Маршрута. Мы преспокойно пошли на Велау. Это дало поводъ

къ весьма непріятной исторіи, за которую я, не смотря на мое пристрастіе къ Прусакамъ, до сихъ поръ еще сердитъ на нихъ.

Команда наша всегда брала отъ одного перехода до другаго нѣсколько фурманокъ, (которыхъ отпускъ въ Пруссіи былъ уже безъ затрудненій) — и мы съ Поручикомъ, всегда уѣзжали на одной изъ нихъ впередъ съ однимъ солдатомъ-квартирьеромъ и всегда поспѣвали къ обѣду на новый ночлегъ. — Точно также поступили мы и у Велау. Намъ правда говорили, напослѣднемъ ночлегѣ, что всѣ команды сворачиваютъ на Алленбургъ, но Поручикъ мой и знать этого не хотѣлъ. — Переходъ, назначенный имъ въ тотъ день командѣ, былъ не великъ и мы около полудня пріѣхали въ свою деревню' заняли лучшій домъ, потребовали къ себѣ Шульца и объявили ему, чтобъ онъ приготовилъ на 100 человѣкъ солдатъ и 2-хъ Офицеровъ квартиры и продовольствіе на двое сутокъ. Шульцъ, почесавъ затылокъ и приподнявъ на минуту вѣчную свою шапку, отвѣчалъ, что онъ не можетъ дать

ни того, ни другаго, потому что имѣетъ предписаніе городоваго Магистрата, по которому военная дорога назпачается чрезъ Алленбургъ.

«Вотъ вздоръ! закричалъ мой поручикъ; предписаніе Магистрата не мнѣ, а тебѣ; у меня есть отъ Виленскаго Коменданта Маршрутъ и я его не перемѣню по волѣ твоего Магистрата. Давай квартиры и продовольствіе, — а не то мы сами все возмемъ.

Все это я, какъ Переводчикъ, передалъ Шульцу, смягчивъ по возможности, но онъ отвѣчалъ, что не можетъ дать квартиръ, а совѣтуетъ намъ ѣхать въ Велау къ Бургомистру, который одинъ можетъ приказать ему. Самовластно же занимать онъ намъ не совѣтуетъ, потому что онъ прикажетъ крестьянамъ не впускать насъ и не давать намъ ничего. Поручикъ мой сбѣсился, — и безъ дальнихъ околичностей — хлопъ Шульца по щекѣ такъ, что шапка у него далеко слетѣла и самъ хозяинъ ея чуть чуть не покатился за нею. Довольно хладнокровно поднялъ Шульцъ шапку и сказалъ, что Г. Офицеръ будетъ отвѣ-

чать за свой поступокъ, но что ни квартиръ, ни продовольствія все таки намъ не будетъ. Группы крестьянъ собрались между тѣмъ около насъ и хотя физіогноміи ихъ выражали почтительное недоумѣніе, но рѣчи Шульца, предлагавшаго *отправить* насъ въ городъ, начинали волновать умы. Всякое слово Шульца спѣшилъ я переводить своему Поручику, — и тотъ разсудилъ, что до прибытія команды, надобно будетъ держаться въ оборонительномъ положеніи, — а потому, растолкавъ нѣсколькими Русскими пріемами часть толпы, насъ окружавшей, проложилъ дорогу къ выбранному нами жилищу. — Здѣсь заперли мы ворота и всѣ двѣри, и подкрѣпленные солдатомъ - квартирьеромъ, рѣшились выдержать осаду и даже штурмъ, если до того дѣло дойдетъ. Сѣвши у отпертаго окошка, наблюдали мы за всѣми движеніями новыхъ непріятелей, но не видали однако сильныхъ приготовленій къ атакѣ. Толпы крестьянъ ходили взадъ и впередъ и совѣтовались между собою. Рѣчи ихъ ясно намъ были слышны; всѣ они об-

винялн упрямство Шульца и готовы были принять и продовольствовать насъ. — Время между тѣмъ проходило, команда должна была скоро явиться и Поручикъ мой съ нетерпѣніемъ ждалъ ее, грозя перейти тогда къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Я уговаривалъ его сколько могъ, чтобъ онъ со мною поѣхалъ въ городъ къ Бургомистру, который вѣрно не откажетъ въ гостепріимствѣ Русскимъ солдатамъ, — и Поручикъ почти соглашался на эту мѣру осторожности, — но сперва хотѣлъ видѣть, что́ предпримѣтъ Шульцъ, съ разбитой шапкой? — Вдругъ на улицѣ показалась значительная толпа крестьянъ, предводимая Шульцомъ и еще какимъ-то существомъ въ зеленомъ мундирномъ сертукѣ и въ треугольной шляпѣ съ султаномъ. Остановясь предъ окнами требовали они впуска. По приказанію Поручика объявилъ я имъ, что они могутъ говорить и оттуда. Посовѣтовавшись между собою, Шульцъ просилъ насъ, чтобъ мы дозволили Г. Вегъ-Инспектору (дорожному Смотрителю) явиться къ намъ для переговоровъ. По-

ручикъ согласился, квартирьеръ отправился съ ружьемъ къ воротамъ, — оттеръ ихъ и держа ружьѣ на рукѣ, звалъ Его Благородіе Прусскаго Офицера. Опасенія наши были напрасны; никто и неподумалъ итти за нимъ. Ворота однако заперли, — и это кажется довольно безпокоило Прусака. — Явясь къ намъ, онъ довольно важно и протяжно началъ говорить намъ объ обязанностяхъ проходящихъ командъ, о дисциплинѣ, о дружбѣ Прускаго Короля съ Русскимъ ИМПЕРАТОРОМЪ.

«Да что онъ тебѣ тамъ за дичь несетъ цѣлый часъ, вскричалъ наконецъ мой Поручикъ съ нетерпѣніемъ. Спроси его только: даютъ ли намъ здѣсь квартиры и продовольствіе?» я повторилъ его вопросъ.

«Нѣтъ!» отвѣчалъ Г. Вегъ-Инспекторъ очень хладнокровно.

«Ну, такъ пусть убирается къ ... чорту, — а мы здѣсь останемся и чего намъ не дадутъ добровольно, то возмемъ сами.» Я перевелъ и это.

«За насильство вы будете въ большой отвѣт-

ственности, продолжалъ Прусакъ и опять началъ длинную тираду о должностяхъ человѣка и воина.»

«Да распроси ты его, братецъ, кто онъ такой, какого чина и по какому праву пришелъ насъ учить уму разуму?»

Г. Всѣ-Инспекторъ очень важно описалъ мнѣ свою должность: смотрителя дорогъ и очень смиренно прибавилъ, что онъ *почти* Офицеръ.

Едва узналъ объ этомъ Поручикъ, какъ вскочилъ съ бѣшенствомъ. Ахъ ты, сукинъ сынъ! и Унтеръ-Офицеръ смѣлъ меня учить, смѣлъ со мною сѣсть (мы его сами пригласили сначала)! Вонъ сей часъ! а не то я тебѣ велю гундертъ фухтелей задать по Русски.» — Этаго я уже не переводилъ. Прусакъ понялъ все самъ изъ жестовъ и голоса Поручика. Съ поспѣшностію ретировался онъ изъ компаты, квартирьеръ отперъ ему ворота, — заперъ ихъ снова и на улицѣ начались опять шумныя совѣщанія. Теперь голосъ Шульца былъ подкрѣпленъ Полу-Офицеромъ, — и оба требовали содѣйствія крестьянъ, чтобъ

насъ насильно отправить въ городъ. Крестьяне однакоже не двигались съ мѣста и совѣтовали лучше обойтись дружелюбно. — Вдругъ въ концѣ улицы раздался звукъ трубы (въ нашей командѣ былъ одинъ кавалерійской трубачь, который со своимъ инструментомъ исправлялъ должность барабанщика). Это была наша команда, важно и чинно вступавшая въ деревню. Съ восторгомъ вскочилъ Поручикъ. «Вотъ я ихъ теперь, всю эту ракалью!..» закричалъ онъ, велѣлъ отпереть ворота и бросился на улицу; я послѣдовалъ за нимъ умоляя его: быть осторожнымъ. «Э, братецъ, не бойся! теперь-то я имъ и покажу, какъ Русскіе поступаютъ....» — «Но ради Бога не насильственно....» — «Будь спокоенъ!»

Тотчасъ же выстроилъ онъ всю команду въ боевой порядокъ и приказалъ послать за Шульцомъ и Вегъ-Инспекторомъ. Они явились — а съ ними небольшая группа крестьянъ, которая однако же остановилась въ почтительной отъ насъ дистанціи. Поручикъ потребовалъ себѣ двѣ фур-

манки и спросилъ Шульца: можетъ ли онъ ихъ получить добровольно, или долженъ взять насильно. Шульцъ приказалъ, чтобъ въ ¼ часа фурманки были готовы. — «Теперъ обоихъ васъ и Шульца и этаго Унтеръ-Офицера, беру я подъ арестъ и повезу въ городъ къ Бургомистру съ жалобою на то, что одинъ отказывалъ Русскимъ войскамъ въ ночлегѣ и пищѣ, а другой возбуждалъ противъ насъ крестьянъ къ насильственнымъ мѣрамъ.»

Оба заерошились. — «Какъ подъ арестъ! только Начальство Его Величества Короля Прусскаго можетъ насъ арестовать....» — Прошу смирно, отвѣчалъ Поручикъ. Это ужъ не ваше дѣло судить о томъ: имѣю ли я право, или нѣтъ, а что имѣю на это средство — такъ вы сами видите. (При этомъ указалъ онъ на грозный видъ команды). Слѣдственно выбирайте сами. Хотите ли добровольно, какъ арестанты, ѣхать со мною въ городъ или хотите быть связанными?»

И то, и другое имъ очень не нравилось. Они, обратились къ крестьянамъ, требуя ихъ защи-

ты, — но тѣ не двигались съ мѣста, а совѣтовами ѣхать добровольно въ городъ. — Оставалось покориться своей участи. Явились фурманки, — и въ одну сѣли мы съ Поручикомъ, а въ другую посадили двухъ арестантовъ и двухъ дюжихъ кавалеристовъ, для надзора за нами. Команду поручили Фельдфебелю, приказавъ ему стоять смирно и подъ ружьемъ на улицѣ до нашего возвращенія. Наконецъ отправились мы въ Велау и явились къ Бургомистру.

Я разсказалъ ему все происшествіе въ самыхъ пышныхъ Нѣмецкихъ фразахъ — и дипломатика его стала въ тупикъ. Онъ не могъ оффиціально допустить, чтобъ военная команда, вопреки недавно обнародованнымъ приказаніямъ, слѣдовала другимъ маршрутомъ, — но не могъ также и приказать въ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ, чтобъ командѣ Русскихъ, израненыхъ воиновъ, было отказано въ гостепріимствѣ. Онъ однакоже выпутался изъ своего затруднительнаго положенія. Оба наши арестента были призваны, — получили строгій выговоръ, Вегъ-

Инспекторъ отравленъ подъ арестъ, — а Шульцу приказано команду нашу принять и продовольствовать какъ сего дня, такъ и завтра. (Поручикъ объявилъ, что ему дневка необходима). Насъ же Бургомистръ просилъ послѣ дневки итти на Алленбургъ, по новопредписанной военной дорогѣ. Поручикъ потребовалъ себѣ письменнаго объявленія. Оно было тотчасъ же дано, — и мы поѣхали съ Шульцомъ обратно. Такимъ образомъ по пословицѣ: и волки были сыты и овцы цѣлы. — Съ торжествомъ возвратились мы въ деревню. Команда стояла еще подъ ружьемъ. Мы велѣли собраться крестьянамъ и объявили имъ приказаніе Бургомистра. Шульцъ принужденъ былъ подтвердить его — и чрезъ полчаса мы были съ жителями наилучшіе друзья.

Пропировавъ тутъ два дни, пустились мы по новой дорогѣ — и вездѣ были принимаемы охотно. Остальной походъ до Маріенбурга не имѣлъ уже ни какихъ происшествій, не представлялъ уже ничего замѣчательнаго. Только Прейсишъ-Эйлау остановило меня на цѣлые сутки.—Шесть

лѣтъ прошло со дня знаменитой битвы, на поляхъ этихъ бывшей, — и сколько съ тѣхъ поръ перемѣнъ въ политическомъ составѣ Европы! (Я не предвидѣлъ, что съ небольшимъ черезъ годъ произойдутъ еще удивительнѣйшія). Я ходилъ осматривать всѣ окрестности. Кромѣ знаменитаго кладбища, гдѣ въ день битвы была главная квартира Наполеона и гдѣ горсть Русскихъ подкравшись въ мятелицѣ, чуть чуть было его не захватила, — не осталось ни какой достопамятности этаго сраженія. Даже не многіе изъ жителей знали подробности битвы. Судьба Прусской Монархіи висѣла тогда на волоскѣ — а жители Эйлау очень равнодушно вспоминали объ этомъ днѣ. — Такъ чувство настоящаго ослабляетъ и истребляетъ впечатлѣнія прошедшаго!

Наконецъ мы дошли до цѣли Маршрута. Мы были на Вислѣ въ Маріенбургѣ. Явясь къ Коменданту, мы получили отъ него приказаніе сдать команду и расположиться на квартирѣ впредь до распоряженія. — Отсюда уже отправляли команды не сотнями, а тысячами. — Въ тотъ же день

узнали мы, что все наше Ополченіе собрано въ Маріенбургѣ и идетъ внизъ по Вислѣ къ осадѣ Данцига. Я бросился отыскивать свою дружину, — но она осталась на границѣ въ Юрбургѣ. Слѣдственно я остался сиротою. Комендантъ давалъ мнѣ на выборъ: или итти съ командою къ главной Арміи, гдѣ меня вѣрно прикомандируютъ къ какому нибудь полку, — или явиться къ Генералу Ададурову, командовавшему тогда С. Петербургскимъ Ополченіемъ, который меня также причислитъ къ которой нибудь дружинѣ, — или даже на конецъ возвратиться въ Юрбургъ. Послѣднее я рѣшительно отвергнулъ, — а выбралъ второе. Въ сраженіяхъ я уже былъ; — хотѣлось испытать удовольствіе осады. — Худо ли, хорошоли я выбралъ — не знаю. Вѣроятно однако, что въ главной Арміи я бы больше выигралъ по службѣ.

На другое утро я явился къ Генералу Ададурову, принятъ былъ очень ласково — и тотчасъ же причисленъ къ 5-й Дружинѣ, которою тогда (за болѣзнію всѣхъ старшихъ), командо-

валъ Коллежской Ассессоръ С. Н. Корсаковъ. Я сей часъ сказалъ, что выигралъ бы больше въ Арміи, — долженъ однако съ благодарностію признаться, что въ томъ обществѣ офицеровъ, въ которое я попалъ, я едва ли еще не болѣе выигралъ въ другомъ отношеніи. Я очутился въ совершенно новомъ мірѣ. Въ прежнихъ обществахъ Офицеровъ, я чувствовалъ свое преимущество учености, здѣсь оно изчезло и безо всякаго униженія моему самолюбію. Тамъ я пользовался всеобщимъ уваженіемъ, — но былъ одинокъ, — здѣсь все окружающее меня составляло одну сферу наипрекраснѣйшаго общества. Какую разность увидѣлъ я тогда между Студентомъ — и людьми просвѣщенными. — Всѣ знали не меньше моего, — и никто не думалъ напоминать объ этомъ. Всякое хвостовство упадало предъ тонкими сарказмами свѣтскости. — Время проведенное въ этомъ обществѣ, я почитаю за самое пріятное, самое полезное въ моей жизни. Правда весь Корпусъ отдавалъ ему справедливость и это еще

болѣе заставляло меня гордиться, что принадлежу къ такой Аристократической компаніи.

Чрезъ нѣсколько дней выступили мы подъ Данцигъ.

ГЛАВА III.

Квартиргеры. — Мой товарищъ. — Мы подъ Данцигомъ. — Разливъ. — Клейнъ-Квадендорфъ. — Богатство жителей. —Разъѣзды по разливу. — Дружеская встрѣча съ Французами. — Караулъ 5-го Апрѣля. — Партизанъ Фигнеръ. — Вылазка. — Десантъ. — Отраженіе. — Неудача на Нерунгѣ. — Новый Главнокомандующій. — Переформированіе ополченія. — Главная вылазка 28-го Мая. — Извѣстіе о перемиріи. — Продовольствіе Гарнизона. — Знакомство съ Французами. — Деревня Гемницъ. — Предмѣстье Сентъ-Албрехтъ. — Рыжая дѣвка. — Чувствительная неудача. — Попытка съ конгревовыми ракетами. — Начало осады. — Ночныя Экспедиціи. — Занятіе предмѣстій. — Морская Экспедиція. — Десантное войско. — Двѣ неудачныя атаки. — Буря. — Морская болѣзнь. — Храбрость моряковъ. — Взрывъ канонерной лодки. — Планъ спустить воду съ разлива. — Неудача. — Правильная осада. — Первая параллель. — Траншеи. — Выпускъ изъ города жителей. — Ужасное ихъ положеніе — и голодная смерть. — Успѣхи осады. — Неустрашимость маркитантовъ и мальчиковъ. — Переводъ на Нерунгъ. — Отпускъ въ Эльбингъ на 5-ть дней. — Мы остаемся три недѣли. Любовныя интриги. — Планъ свадьбы. — Отъѣздъ. — Возвращеніе. — Данцигъ взятъ. — Возвращеніе ополченія. — Встрѣча онаго. — Распущеніе. — Заключеніе. —

Это было въ концѣ Февраля. Мы пошли на Диршау. Я, какъ знающій Нѣмецкій языкъ, отправился квартирьеромъ впередъ. Со мной поѣхалъ другой Офицеръ. — и мы разумѣется тотчасъ же

познакомились. — Могъ ли я воображать тогда, что этотъ скромный Квартирьеръ будетъ со временемъ знаменитѣйшимъ писателемъ, дѣлающимъ честь нашей Литературѣ и нашему вѣку? Это былъ М. П. Загоскинъ! — Тогда еще онъ и недумалъ ничего о будущихъ своихъ сочиненіяхъ. Эта страсть, эта способность развились въ немъ уже послѣ похода. Тогда онъ былъ только веселый, остроумный Офицеръ, имѣющій всѣ свѣденія, отлично воспитаннаго человѣка. До самыхъ мѣстъ расположенія нашего подъ Данцигомъ, ѣхали мы съ нимъ вмѣстѣ, заготовляя квартиры для нашихъ дружинъ (онъ былъ въ другой, но все свободное время проводилъ въ нашемъ обществѣ). Такимъ образомъ 25 Февраля прибыли мы подъ Данцигъ. Дружина наша заняла деревню Клейн-Квадендорфъ — и тутъ-то впервые увидѣли мы до чего можетъ простираться зажиточность крестьянина. У нашего хозяина было 16 лошадей, 30 коровъ и столько запасовъ всякаго провіанта, что съ мѣсяцъ почти кормилъ онъ всю нашу Дружину съ Офицерами (всего

136 человѣкъ) и только по прошествіи этаго врсмени сталъ брать отъ насъ въ возратъ казенную порцію. — Подобное благосостояніе жителей происходило отъ того, что Данцигъ съ окрестностями на 2 мили, со времени Тильзитскаго мира, составлялъ вольный городъ. Въ эти 6-ть лѣтъ, жители не платили ни какихъ податей, торговали безпошлинно и разбогатѣли до нельзя. Эта свобода и богатство входили въ тонкіе политическіе виды Наполеона. Онъ хотѣлъ, чтобъ Данцигъ никогда не пожелалъ возвратиться подъ скипетръ Прусскаго Короля.

И такъ мы были подъ Данцигомъ! Ополченію пришлось стоять на разливѣ. Этотъ разливъ былъ произведенъ Французами для защиты слабѣйшей стороны Данцига. Устроивъ на Вислѣ плотину, они затопили всѣ низменные окрестности — и всѣ сообщенія, караулы на форпостахъ и взаимныя атаки производились тутъ на плоскодонныхъ лодкахъ, изъ которыхъ однако въ случаѣ нужды можно было выскочить и итти пѣшкомъ по поясъ въ водѣ.

Нужно ли описывать мѣстоположеніе, окрестности и укрѣпленія Данцига? Все это такъ извѣстно. Очень посредственный городъ съ 60 т. жителей; прелестнѣйшія окрестности и безчисленныя укрѣпленія, сдѣланные на досугѣ въ продолженіе 6-ти лѣтъ лучшими инженерами Наполеона. Съ самаго начала осады мы мало имѣли случая видѣть красоты форштатовъ и дачь. Стоя на разливѣ, мы видѣли только Архипелагъ домовъ и валовъ, выказывающихся изъ подъ воды, слышали только кваканье лягушекъ, занимались только безпрестанными караулами и разъѣздами и изрѣдка для забавы перестрѣливались съ французскими наѣздниками (въ лодкахъ), являющимися всегда весьма неожиданно для собранія по домамъ провіанта. — Когда Ополченіе прибыло подъ Данцигъ, то осадный корпусъ находился подъ командою Генерала Лёвиса и состоялъ изъ 10 т. человѣкъ. Въ Данцигѣ же по всѣмъ извѣстіямъ было болѣе 30 т. — Мы были разсѣяны на пространствѣ 20 верстъ, а они могли на каждой пунктъ направить массы вдесятеро силь-

нѣв, — и при всемъ этомъ безпрестанныя ихъ вылазки всегда оканчивались не въ ихъ пользу.

Впрочемъ мы иногда и очень миролюбиво жили съ Французами. На разливѣ было нѣсколько прекраснѣйшихъ дачь, которыхъ ни мы, ни они не занимали, но которыя однакоже и мы и они часто посѣщали. На одной изъ нихъ, по близости которой Дружина наша содержала передовой караулъ, жилъ Данцигской купецъ, старикъ съ 3-мя дочерьми. Чегожъ больше, чтобъ быть тамъ почти ежедневно. Пріѣхавъ однажды не въ обыкновенное время, мы увидѣли другую лодку, привязанную къ забору. Полагая, что это кто нибудь изъ другой Дружины, познакомившійся съ этимъ пріятнымъ домомъ, мы преспокойно вошли въ комнаты, — и что же? четыре Французскіе Офицера разсыпа̀лись въ нѣжностяхъ предъ нашими красавицами. Мы вспылили, выхватили сабли, дѣвушки завизжали и единоборство готово было начаться, вдругъ расчетливый старикъ остановилъ насъ — и самымъ трогательнымъ образомъ просилъ не губить его и самихъ себя.» Ктобъ

ни остался побѣдителемъ — я все таки погибъ, — потому что обѣ стороны вмѣнятъ мнѣ въ преступленіе радушный мой пріемъ, и Русскихъ и Французовъ. А вы сами разсудите, могу ли я не принимать тѣхъ, или другихъ? Еслибъ здѣсь стоялъ постъ чьего либо войска, то я, разумѣется, долженъ бы былъ соблюдать общія правила войны и не принимать къ себѣ другихъ, — а теперь я на какой-то неутральной полосѣ, и еслибъ даже не хотѣлъ, то принужденъ оказывать гостепріимство всякому кто ко мнѣ пріѣдетъ. Оставьте же, сдѣлайте милость, господа, всякую ссору у меня въ домѣ, и если угодно вамъ драться, то выѣзжайте на разливъ, — а по моему, такъ лучше посидите и погостите у меня мирно и дружно. На полѣ сраженія вы будете исполнять каждый свою должность и убивать другъ друга, а здѣсь какіе у васъ личныя ссоры? Дайте же другъ другу руки и разопьемте со мною хорошаго Іоганисбергера. » — Французы первые захохотали и подали намъ руки. «Старикъ правъ! закричали они, на все свое время! » Молча опу-

стили мы сабли и подали руки Французамъ, а чрезъ полчаса мы уже разговарили съ ними такъ дружески, какъ будто съ короткими пріятелями. О политикѣ разумѣется ни слова. — Мы дали обѣщаніе другъ другу ни кому не сказывать о нашей встрѣчѣ — и покуда мы стояли на разливѣ, никто не зналъ объ этомъ, — а мы продолжали навѣщать старика и дочерей его. Впрочемъ очень рѣдко встрѣчалпсь опять съ Французами.

5-го Апрѣля случилось на моемъ караулѣ весьма интересное происшествіе. Козаки форпостовъ привели двухъ человѣкъ, вышедшихъ изъ города. Я очень лѣнпво съ просонковъ сталъ допрашивать ихъ по Нѣмецки, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ заговорилъ со мною самымъ чистымъ Русскимъ языкомъ — и объявилъ о себѣ, что онъ Гвардіи Капитанъ Фигперъ. Имя партизана, столько прославившагося въ 1812 году, было мнѣ конечно очень извѣстно, но я не зналъ, что онъ попалъ въ Данцигъ и не понималъ какимъ образомъ оттуда такъ спокойно вышелъ. —

Съ уваженіемъ вскочилъ я, чтобъ всмотрѣться въ человѣка, сдѣлавшаго себѣ историческое имя, сталъ его распрашивать: какъ онъ очутился въ Данцигѣ и какъ вырвался оттуда? — но онъ не разсудилъ терять времени въ пустыхъ со мною разговорахъ, а просилъ поскорѣе дать ему конвой въ главную квартиру, — что я и исполнилъ, поспѣша донести своему отрядному Начальнику объ этомъ происшествіи.

12-го числа сдѣлалъ непріятель сильную вылазку изъ Данцига. На нашу долю досталось нѣсколько лодокъ съ фалкопетами и пѣхотная колонна по валу. Съ знаменитаго Березинскаго дня — это была для меня новинка — и почти шутка. Около 1500 человѣкъ съ 8 орудіями съ обѣихъ сторонъ — это послѣ огня Полоцкаго — была пѣтушиная драка. Сначала отступили мы, потому что валъ, по которому шла колонна непріятельская, былъ у насъ въ тылу, — но когда мы поравнялись съ нимъ, и къ намъ подоспѣли два орудія (а у Французовъ были только фалконеты), то не уступили имъ уже ни шагу, не

смотря на превосходство ихъ силъ. Болѣе часа продолжалась перестрѣлка, — но какъ наши два орудія гораздо сильнѣе дѣйствовали, нежели ихъ мелочь, то мало по малу и пустились они въ обратный путь, не прорвавшись ни въ одинъ домъ, гдѣ бы имъ можно было поживиться, коровками и прочею живностію. Когда же дѣло дошло до усаживанія въ лодки, то видимый безпорядокъ распространился въ ихъ рядахъ. Намъ велѣли тотчасъ крикнуть: ура! и броситься на штыки. Этотъ послѣдній маневръ чрезвычайно не понравился непріятелю — и онъ, оставя намъ въ добычу двѣ лодки, съ остальными на-скоро убрался домой.

Наши съ горяча догоняли многихъ пѣшкомъ по водѣ и приводили въ плѣнъ. Все наше дѣло кончилось чрезъ $1\frac{1}{2}$ часа, — но за то вдали мы слышали сильную канонаду и перестрѣлку — и послѣ узнали, что на лѣвомъ флангѣ было гораздо важнѣйшая вылазка, которая также однако не удалась непріятелю. Весь день простояли мы въ ожиданіи вторичнаго посѣщенія — и вве-

черу пошли по домамъ разсказывать другъ другу за ужиномъ все, что съ каждымъ случилось.

Эта вылазка была кажется со стороны Французовъ привѣтствіемъ новому Главнокомандующему осаднымъ корпусомъ. На канунѣ только прибылъ Герцогъ Александръ Виртембергскій, которому принадлежитъ вся слава отраженія. За то три дни спустя, Французы вознаградили съ барышемъ свою неудачу. 15-го Апрѣля сдѣлали они вылазку на *Нерупгъ*, отдѣленный отъ прочаго осаднаго корпуса рѣкою Вислою, на которой разумѣется у насъ не было ни мостовъ, ни судовъ, чтобъ подать помощь. Тамъ стоялъ отрядъ Полковника Розена, у котораго было около 800 человѣкъ и 6 орудій. На него напалъ 4 т. непріятельскій корпусъ съ 16 орудіями. Цѣлые два часа выдерживалъ онъ напоры Французовъ, — наконецъ очевидная невозможность бороться противу такого превосходства, принудила его отступить за $1\frac{1}{2}$ мили. Нашъ отрядъ былъ ближайшій къ Вислѣ. Мы тотчасъ же собрались, явились на берегу и съ невыразимою

досадою должны были быть свидѣтелями пораженія нашихъ товарищей, не имѣя средствъ помочь имъ. Правда на береговомъ валу выставили мы всѣ наши 6 орудій и начали стрѣлять на ту сторону, — но скоро замѣтили, что это безполезный трудъ. И друзья и непріятели были отъ насъ гораздо далѣе пушечнаго выстрѣла. Изъ главнаго корпуса отправили туда сильный отрядъ чрезъ Диршау, но это составляло обходъ въ 50 верстъ, — а до тѣхъ поръ Французы цѣлые два дни пропировали въ занятыхъ ими деревняхъ и 17-го числа пошли обратно, оставя только въ нихъ кошекъ и собакъ. Все прочее было угнано и увезено. Вѣрно на цѣлый мѣсяцъ взяли они тамъ провіанта и фуража для всего города. Съ тѣхъ поръ тамошній отрядъ былъ усиленъ и прикрытъ сильными полевыми укрѣпленіями, — но съ тѣхъ поръ до поздней осени Французы уже не показывались на Перунгѣ.

Герцогъ Виртембергскій съ самаго своего прибытія къ Данцигу, взялъ Ополченіе подъ особенное свое покровительство. Занялись перефор-

мированіемъ его — и вскорѣ вмѣсто малочисленныхъ 16 дружинъ, составились 5 сводныхъ. При этомъ случаѣ я былъ сдѣланъ ротнымъ Начальникомъ. По моему чину это было чрезвычайно много.

Между тѣмъ осадный корпусъ ежедневно усиливался вновь прибывающими къ нему войсками, — и это оказалось вскорѣ очень полезнымъ. — 28 Мая непріятель сдѣлалъ вылазку всѣмъ своимъ Гарнизономъ съ 80 орудіями. — Цѣлый день продолжалось самое упорное, самое жаркое дѣло — и подъ вечеръ разбитые Французы возвратились въ крѣпость, не прорвавшись ни въ одномъ пунктѣ.

Съ обѣихъ сторонъ уронъ былъ значителенъ, — и что же? все кровопролитіе было безъ пользы, безъ нужды. Въ главной Арміи Наполеонъ заключилъ перемиріе и 29 Мая пріѣхалъ курьеръ къ намъ съ этимъ извѣстіемъ, въ то самое время какъ мы хоронили своихъ товарищей, убитыхъ на канунѣ. Днемъ бы ранѣе пріѣхать курьеру — и всѣ бы они остались живы!

Въ послѣднемъ дѣлѣ нашъ отрядъ очень мало участвовалъ. Чтобъ позабавить насъ, выслано было и противъ насъ нѣсколько лодокъ, — но они только что разъѣзжали, стрѣляли, дразнили насъ, но высадки не хотѣли дѣлать. Мы отвѣчали тѣмъ же — и съ обѣихъ сторонъ не много грѣха взяли на душу.

Когда мы узнали о условіяхъ перемирія, то были очень недовольны. Мы было ужъ довели Французовъ, что они, по слухамъ, стали уже кужать и конинку, — и послѣ не удачной для нихъ вылазки 28-го Мая, надѣялись вскорѣ принудить ихъ къ сдачѣ, вдругъ объявили намъ, что во все время перемирія должны мы продовольствовать весь гарнизонъ. Это было очень для насъ прискорбно. Мы не чувствовали, что въ тогдашнемъ политическомъ отношеніи Европы, крѣпость наша ровно ничего не значитъ, — и что перемиріе это: — величайшая ошибка Наполеона, которая привела союзныхъ въ стѣны Парижа, а его на Эльбу и Елену.

Очень любопытно и занимательно было ви-

дѣть сцены, происходившіе во время перемирія. Сначала долго спорили о количествѣ раціоновъ для продовольствія гарнизона. Раппъ хотѣлъ на 30 т. Герцогъ Виртембергскій не соглашался отпускать болѣе какъ на 17 т. (мы имѣли чрезъ жителей вѣрныя свѣденія, что болѣзни и вылазки уменьшили гарнизонъ до 17 т.) Раппъ поспорилъ, побѣсился — и согласился. Но и тутъ при доставкѣ всякой разъ чего нибудь недоставало; — и ссорамъ и жалобамъ не было конца.

По статьямъ перемирія предоставлялось каждой осажденной крѣпости 3 версты пространства отъ города, которое было неутральнымъ. Здѣсь съ обѣихъ сторонъ собирались и торговцы для продажи, и родственники для свиданья, и Офицеры изъ любопытства. Въ числѣ послѣднихъ были часто и мы, — и Французы изъ Данцига. Сколько Драматическихъ явленій было тутъ! У черты неутральной стояла наша цѣпь карауловъ — и ей строго было запрещено пропускать кого либо изъ города. Но поминутно являлись разлученныя семейства, которыхъ свиданія

составляли трогательнѣйшія картины — и Герцогъ ежедневно давалъ разрѣшительныя пропуски этимъ нещастнымъ. Здѣсь мы приходили проводить время съ Французскими Офицерами — и признаюсь, знакомство многихъ изъ нихъ было очень пріятно. Самъ Герцогъ Виртембергскій имѣлъ однажды свиданіе съ Генераломъ Раппомъ, — а Начальникъ нашего Ополченія (Сенаторъ Бибиковъ) и обѣдалъ разъ у него въ городѣ. Къ этому приглашены были всѣ почетные граждане Данцига — и во время стола, когда разумѣется изъ учтивости рѣчь дошла до отличной храбрости защитниковъ крѣпости, Раппъ сказалъ самымъ любезнымъ образомъ: «что до тѣхъ поръ не сдастъ Данцига, пока не съѣстъ эту толстую свинью!» — то есть Бургомистра, на котораго при этомъ указалъ. Всѣ Французы покатились со смѣха, но Русскіе и Нѣмцы съ молчаніемъ встрѣтили эту милую остроту.

При самомъ началѣ перемирія, Ополченіе было переведено къ центру осаднаго корпуса. Здѣсь мы были на горахъ и занимали своими земляни-

ками наивеликолѣпнѣйшую равнину у деревни Боркфельдъ. Здѣсь Ополченіе было обмундировано самымъ щегольскимъ образомъ, — и здѣсь простился съ нами на всегда Начальникъ нашъ Сенаторъ Бибиковъ, оставившій въ это время военную службу. Перемиріе должно было кончиться 14-го Іюля, но изъ главной Арміи прислано было, что оно продолжено до 6-го Августа. Это бездѣйствіе стало наконецъ становиться очень скучнымъ. Мы стали ѣздить по окрестнымъ деревнямъ и городамъ. Я нашелъ себѣ очень пріятное убѣжище отъ скуки въ Гемницъ, гдѣ стоялъ нашъ Вагенбургъ. Тамъ новая Анхенъ возбудила во мнѣ чувства, которыхъ я уже боялся со времени послѣдней неудачи въ Шлиново. Къ щастью, на этотъ разъ, я не имѣлъ уже подобной сонливости. Въ предмѣстіи Сентъ-Альбрехтъ основалась также новая полукофейная, куда Офицеры сходились толпами. Основателемъ заведенія — была дѣвушка, лѣтъ 18, бойкая, умная и довольно красивая. Одинъ цвѣтъ волосъ ея былъ не выгоденъ, — и за него прозвали мы

ее по военной простотѣ: *рыжею дѣвкою*. Впрочемъ это названіе было вовсе не отъ презрѣнія къ ней, — а именно по вольности военнаго лексикона. Не смотря на бойкость и шутливость, составлявшія принадлежность горькаго ея состоянія, она была скромна — и никто не могъ похвастать, какимъ либо короткимъ съ нею обращеніемъ. Всѣ сбирались туда посидѣть, поболтать, пошутить, поиграть между собою въ карты, попить — и разойтись. Долго былъ я безмолвнымъ посѣтителемъ этой красавицы, наконецъ пустился въ разговоры и даже въ любезности, — но судьба готовила мнѣ нѣсколько ударовъ сряду самыхъ чувствительныхъ по части волокитства. Здѣсь былъ первый. Видя мою робость и потому, почитая себя безопасною отъ моей предпріимчивости, *рыжая дѣвка*, (мнѣ право совѣстно называть ее такимъ образомъ, но не льзя же изсказить преданія), вскорѣ сдѣлалась со мною очень дружною. Всѣ это замѣтили, поздравляли меня съ побѣдою, и подсмѣивались на мой щетъ. Я разумѣется не старался увѣ-

рять всѣхъ въ моей невинности, хотя самъ былъ очень въ ней увѣренъ. Мало по малу мы дѣйствительно сблизились съ нею, сколько застѣнчивость моя мнѣ позволяла, — но я всякой день однако бранилъ себя за свою глупость, собирался на слѣдующій день все поправить и поступалъ опять также. Тогда какъ всѣ увѣрены были въ моемъ торжествѣ, когда я видѣлъ съ ея стороны всѣ признаки склонности, — я все откладывалъ, да откладывалъ. Наконецъ въ одинъ вечеръ простота моя была слишкомъ очевидна. Погода была ненастная — и она уговаривала меня остаться почевать. Я же не хотѣлъ показать своей изнѣженности предъ дождемъ — и уѣхалъ домой, сказавъ, что въ первую хорошую погоду непремѣнно останусь у нее. Увы! хорошей походы уже для меня не было. На другой день, когда мы пришли пить кофе, ужаснѣйшее извѣстіе поразило насъ. Татарской Полковникъ Князь Б. увезъ нашу Дульцинею, — и всеобщія насмѣшки полились на меня со всѣхъ сто-

ронъ. Я отшучивался, смѣялся, но внутренно бѣсился на себя, на нее, и на весь свѣтъ.

Чтобъ утѣшиться въ своемъ горѣ, я отправился въ Гемницъ, гдѣ уже давно не былъ. Что-же? Въ домѣ у моей Анхенъ стояли Армейскіе Офицеры, которые, не знавъ о моихъ домашнихъ тутъ связяхъ, тотчасъ же разболтали мнѣ свои удачныя волокитства — и Анхенъ играла тутъ первую роль; я было не повѣрилъ, подзадорилъ раскащиковъ и мнѣ взялись доказать дѣло на опытѣ. Я не дождался этаго горькаго опыта — и уѣхалъ проклиная вѣтренность и любовь.

Оставалось искать утѣшенія въ пылу сраженій. Перемиріе кончилось. Началась серьезная осада. До сихъ поръ съ Февраля мѣсяца была только блокада; теперь Англичане привезли намъ осадныхъ орудій, конгревовыхъ ракетъ и всякой всячины; мы занялись дѣланіемъ фашинъ и туровъ, — и вскорѣ работа закипѣла. 17-го Августа были сдѣланы великолѣпныя приготовленія по случаю конгревовыхъ ракетъ. Англинской Артиллеристъ поставилъ у форштата Оры свой

станокъ и объявилъ намъ, что пуститъ въ городъ 200 ракетъ, что вѣрно въ 30 мѣстахъ загорится, что мы въ это время должны сдѣлать всеобщую тревогу, что Раппъ сбѣсится и сдѣлаетъ вылазку, что мы разобьемъ его и ворвемся на плечахъ его въ Данцигъ. Весь осадный корпусъ сталъ подъ ружье. Началось бросаніе ракетъ, — началось и кончилось. Городъ ни въ одномъ мѣстѣ не загорѣлся, Раппъ не сбѣсился, не сдѣлалъ вылазки, мы его не разбили — и разошлись преспокойно по домамъ.

Другая выдумка была также не совсѣмъ удачна. Стали ежедневно дѣлать ночныя экспедиціи и нападенія на непріятельскія укрѣпленія. Сначала разумѣется нечаянность и превосходство силъ доставляли намъ выгоды, — но то, что ночью захватывали, то по утру обыкновенно принуждены были оставлять, потому что всякое подобное полевое укрѣпленіе было подъ защитою 3-хъ 4-хъ сильныхъ батарей, которыхъ сосредоточенный огонь былъ слишкомъ убійственъ. Потерявъ такимъ образомъ болѣе 1000 человѣкъ

взялись на конецъ за обыкновенную систему осады и это было самое вѣрное, самое лучшее средство. Чтобъ открыть траншеи, надобно было завладѣть предмѣстіями. Лангефуръ противъ Олпвскихъ воротъ казался самымъ удобнымъ пунктомъ — и 21-го Августа произведена съ нашей стороны сильная атака на этотъ форштатъ, — а въ то же время для развлеченія непріятеля и на другіе посты. Нападеніе было сдѣлано въ 4 часа по полудни, — такое время когда мы знали что Рапп обѣдаетъ. Неожиданность и быстрота атаки имѣли полный успѣхъ. Лангефуръ, Штрисъ, Нейшотландъ были тотчасъ же заняты; но что всего чувствительнѣе было для Рапа: — это истребленіе мызы Шельмюль, гдѣ жила его любовница. Съ бѣшенствомъ бросились Французы на всѣ занятые пункты, чтобъ ихъ отнять у насъ, и яростнѣйшая битва закипѣла; но Русская стойкость преодолѣла самые дерзскіе напоры непріятеля — и Рапп могъ только отбить свою любимую мызу, потому что она была подъ защитою 40 орудій съ Гольма (силь-

но укрѣпленнаго острова между Данцигомъ и Вейксельмондомъ), которыхъ огонь слишкомъ много заставлялъ насъ терять людей. — Въ Лангефурѣ однако горсть Поляковъ засѣла въ два Блокгауза и съ отчаяніемъ защищалась всю ночь, осыпая нападающихъ Рускими ругательствами. Подъ утро Блокгаузы были зажжены, Поляки выжиты оттуда и всѣ истреблены.

На-морѣ предъ Данцигомъ имѣли мы тогда также значительныя силы: 80 Канонерныхъ лодокъ, 5 Бомбандирныхъ судовъ, 2 Голеты, 1 Фрегатъ и около 20 Транспортныхъ судовъ (на которыхъ намъ привезли осадныя орудія). Вздумали употребить въ дѣйство столь значительную морскую силу. 23-го числа поставили всю эту Флотилію противъ Вестерплата и Фарвассера. Съ 10-ти часовъ утра открыли со всѣхъ судовъ ужаснѣйшую канонаду, хотѣли разрушить всѣ прибрежныя укрѣпленія, приготовили на транспортахъ дессантныя войска, чтобъ занять эти крѣпости, — и кончили тѣмъ, что ввечеру отошли *въ Пуцикъ* для исправленія по-

вреженныхъ судовъ. — Неудачу этой попытки приписывали (какъ и всякіе въ свѣтѣ) во все постороннимъ и непредвидимымъ причинамъ. Надобно было еще разъ попробовать. Лодки могли починиться въ 5 дни и потому нашъ десантъ (въ числѣ котораго была и наша дружина), оставленъ былъ на судахъ, чтобъ пріучить солдатъ къ морю. Но нашей сухопутной натурѣ это очень не понравилось — и судьба готовила намъ во все не ожиданную непріятность. Въ ночь съ 23-го на 24-е сдѣлалась буря; у береговъ нельзя было оставаться — и мы пустились лавировать вдоль и поперегъ по Балтійскому морю. У меня Шкиперъ былъ Англичанинъ, который меня чрезвычайно полюбилъ, потому что я при первой встрѣчѣ сказалъ ему нѣсколько Англійскихъ словъ. — Это самая слабая струна у Англичанина. Если онъ принужденъ говорить другимъ языкомъ, то обхожденіе его навсегда останется холоднымъ, — но нѣсколько Англинскихъ словъ (à la Figaro) — и онъ растаялъ. — Совсѣмъ десантомъ сдѣлалась разумѣется морская

болѣзнь и подъ утро все войско лежало на палубахъ въ самыхъ не благопристойныхъ конвульсіяхъ. Напрасно хлопоталъ около меня мой Капитанъ, — рому я не пилъ, лимонъ не помогалъ, всякой взглядъ на пищу возобновлялъ рвоту. — Мучительнѣе этой болѣзни я не знаю ни чего. Тоска, отвращеніе отъ всего, разслабленіе, голодъ, жажда и безпрестанная рвота. — Трое сутокъ провели мы въ этомъ печальномъ положеніи, наконецъ вѣтеръ стихъ, — море улеглось и мы завидѣли желанный берегъ. Тотчасъ же послано было донесеніе Главнокомандующему, что весь дессантъ лежитъ безъ ногъ и надо каждому солдату по двое, чтобъ поставить его на ноги. Рѣшено было: высадить войско на берегъ (въ Калибку) и дать отдохнуть впредь до приказанія. — Кое-какъ сложили насъ въ боты — и выгрузили на берегъ. — Добрыхъ два часа лежали мы на берегу, не имѣя силъ встать. Все вокругъ насъ вертѣлось, — и море, и корабли, и деревня. Съ помощію добрыхъ поселянъ перевезли насъ на фурманкахъ — но и

тутъ мы крѣпко держались за телеги, боясь вывалиться, потому что все таки и лошади, и дома, и люди вальспровали около насъ самымъ фантастическимъ образомъ. Вошли въ хижины,— таже пляска. Сѣли за столъ — и тотъ кружится. Легли на кровать — и та прыгаетъ. Наконецъ уснули — и во снѣ-то все кружится. Это было нестерпимо. — За то мы цѣлые сутки тутъ спали непробуднымъ сномъ — и первымъ чувствомъ, первымъ словомъ по пробужденіи было: *обѣдать!* Я думаю Прусскіе крестьяне дивились нашему сѣверному аппетиту. Это было какая-то ненасытимость. Удовлетворя этой потребности, за что мы принялись? Какъ вы думаете? — Опять спать, потому что многіе послѣ обѣда стали жаловаться, что у нихъ опять голова кружится.

Такъ прожили мы до 3-го Сентября. Въ этотъ день въ вечеру насъ опять нагрузили въ боты и перевезли на прежніе транспорты. — Мой Англичанинъ чрезвычайно мнѣ обрадовался, забросалъ меня фразами, которыхъ я десятой доли

не понималъ, отвѣчая очень степенно: yes! — За ужиномъ мы уже гораздо болѣе стали другъ друга понимать, — а по утру за завтракомъ, я уже частехонько отпускалъ Фигаровское: god damn!

На этотъ разъ атака началась въ 9 часовъ утра. Только Русскимъ солдатамъ можно дѣлать такіе вещи, какихъ мы были свидѣтелями (потому что сами стояли въ весьма почтенной дистанціи, имѣя предъ собою въ 2-й линіи бомбардирныя суда, галеты и фрегатъ, — а въ первой, всѣ канонерскія лодки). — Непріятель видѣлъ наши продѣлки издали и успѣлъ приготовить намъ отлитную встрѣчу. Едва подъѣхали лодки на пушечный выстрѣлъ, какъ болѣе 100 орудій начали осыпать ихъ ядрами, — но они молча гребли впередъ и не отвѣчали на выстрѣлы. Болѣе 200 саженъ ѣхали они все подъ такимъ ужаснымъ огнемъ, подъѣхали на картечный выстрѣлъ — ихъ стали обсыпать картечами, но они все продолжали грести, не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ. Наконецъ на разстояніи полукартечнаго выстрѣла, останови-

*

лись, выстроились, крикнули ура! и открыли со всѣхъ лодокъ ужаснѣйшую канонаду, усиленную задними бомбардирными судами. — Это было прекраснѣйшее зрѣлище! (особливо для насъ въ 3-й линіи). Много уже видали мы опасностей, много слышали канонадъ, много видѣли примѣровъ неустрашимости, — но эта пальба оглушила насъ, — а храбрость этихъ моряковъ изумила.

Тутъ въ первый разъ еще видѣлъ я ужасное дѣйствіе каленыхъ ядеръ, которыми Французы угощали насъ съ берега. Одно такое ядро попало въ пороховой ящикъ канонерской лодки — и она, съ 50-ю храбрыми моряками взлетѣла на воздухъ. Одинъ Офицеръ избѣгъ всеобщей участи. Командиръ судна послалъ его донести Контръ-Адмиралу, что лодка сильно повреждена и не можетъ долѣе оставаться въ линіи. Получа дозволеніе вывести ее, онъ уже подъѣзжалъ къ ней обратно, какъ вдругъ всѣ товарищи его взлетѣли на воздухъ. Спасенный судьбою, онъ въ ялнкѣ присталъ къ судну диви-

зіошаго командира, но едва сталъ всходить на нее, какъ за мертво раненъ былъ картечью.

До 6 часовъ вечера продолжалась обоюдная пальба, — но ни одна непріятельская батарея не была сбита, нашихъ 12 лодокъ почти изщеплены, болѣе 500 человѣкъ выбыло у насъ изъ фронта, — и атака тѣмъ кончилась. Болѣе храбрости, болѣе самоотверженія нельзя было оказать, — но успѣхъ былъ невозможенъ — Послѣ бывшей трехъ дневной бури и при свѣжепькомъ вѣтеркѣ того дня, была на морѣ порядочная зыбь. Какъ же могли при такомъ колыхапьи, хорошо мѣтить и попадать съ лодокъ въ амбразуры прибрѣжныхъ батарей!

Послѣ этой неудачной экспедиціи, надобно было испытать еще одну выдумку. Прусскій Инженеръ, при осадѣ бывшій объявилъ, что слабѣйшій пунктъ крѣпости находится со стороны наводненія. Это точно была правда. Онъ донесъ, что въ осеннее время вода въ Вислѣ очень низка, и гораздо ниже полей, наводненныхъ весеннимъ разливомъ. И это была правда! — Онъ

предлагалъ слѣдственно, чтобъ прорыть валъ на Вислѣ и спустивъ воду разлива, начать атаку съ той стороны. — Тотчасъ же принялись за дѣло. Валъ прорытъ — и вода дѣйствительно начала тотчасъ же стекать съ полей самымъ чувствительнымъ образомъ. Какой восторгъ! Но судьба кажется забавлялась надъ нами. Въ ту же ночь подулъ сильный морской вѣтеръ, Висла надулась, поднялась — и вмѣсто того, что до сихъ поръ разливъ былъ на 15 верстъ, онъ очутился на другой день на 30 верстахъ. Много погибло тутъ скота, смыто хижинъ, — но жители всѣ успѣли убраться, очень недовольные выдумкою своего соотечественника.

Оставалось приняться за правильную осаду — и тогда-то дѣло пошло на ладъ. Установя всѣ осадныя орудія, открыта была 7-го Октября по городу канонада, — и менѣе нежели въ полчаса Данцигъ уже горѣлъ въ 4 мѣстахъ. Тутъ выстрѣлы направлены были въ зажженныя мѣста, — и намъ съ высотъ въ подзорныя трубы видно было, какъ пламень разливался изъ дома въ

домъ', изъ улицы въ улицу, какъ нещастные жители бѣгали и суетились для спасенія своихъ имуществъ, какъ пожарныя трубы и часть гарнизона старались остановить силу пожара, и какъ безпрерывное дѣйствіе нашихъ батарей, поражая эти толпы, заставило ихъ наконецъ отступиться и предать все на жертву судьбѣ. Трое сутокъ продолжался губительный пожаръ, — тысячи семействъ остались безъ крова и пищи, — но бѣдствія жителей только начинались еще.

Чтобъ сбыть съ рукъ толпы этихъ бѣдняковъ, Рашъ объявилъ, что онъ согласенъ выпустить ихъ изъ города. Нещастные дались въ обманъ. Съ восторгомъ спѣшили они воспользоваться позволеніемъ Рашпа, толпами бросились за городъ, радостно пробѣжали Французскую передовую цѣпь — и чтожс? вдругъ съ Русской цѣпи были встрѣчены выстрѣлами! — Нѣсколько рѣшительныхъ людей отправились депутатами къ командующему цѣпью, который однако же выйдя къ нимъ на встрѣчу, объявилъ, что имѣетъ строжайшее приказаніе: ни кого изъ жителей не

пропускать сквозь цѣпь, — и что если они покусятся хитростію или отчаяніемъ прорываться, то солдаты будутъ въ нихъ стрѣлять. Съ тоскою смерти воротились они къ Французской цѣпи, — но (вообразите ихъ ужасъ!) тамъ встрѣтили ихъ тѣмъ же: выстрѣлами и угрозами. — Что было дѣлать всѣмъ этимъ нещастнымъ? — Они остались подъ открытымъ небомъ, между двумя враждующими войсками, подъ выстрѣлами съ обѣихъ сторонъ, безъ пищи и надежды ко спасенію. Не возможно описать страданія этихъ выходцевъ. Многія женщины вышли беременны, — ужасъ и отчаяніе ускорили ихъ роды, — и въ этомъ-то положеніи безъ призрѣнія, безъ пристанища, на голой землѣ. въ Октябрскія ночи, при громѣ свистящихъ надъ головами ядеръ, при видѣ голодной смерти, — онѣ раздирали сердца солдатъ своими рыданіями и мольбами. Еще разъ командующій цѣпью послалъ къ Герцогу Виртембергскому описаніе этой картины, испрашивая дозволенія: пропустить эту толпу. Законъ войны былъ неумолимъ. Послѣдовалъ но-

вый отказъ, новое строжайшее запрещеніе. — Болѣе недѣли прожили тутъ эти нещастные; питаясь кореньями, травами и припасами, тайкомъ имъ ночью даваемыми отъ состраданія солдатъ. Мало по малу толпа стала рѣдѣть — и изчезла. Трупы ихъ были погребены на этомъ же мѣстѣ. Оказалось однако, что изъ 460 человѣкъ вышедшихъ изъ города, найдено только 112 труповъ. Куда же дѣвались остальные? Разумѣется никто не розыскивалъ, — но всякой догадывался, что къ чести человѣчества, солдаты и Офицеры на-цѣпи стоящіе, пропускали ихъ по ночамъ, жертвуя чрезъ то собственою своею жизнію, еслибъ нарушеніе приказа было открыто.

Послѣ ежедневныхъ канонадъ, пожаровъ и взаимныхъ нападеній заложена наконецъ 1-я паралель противъ Іезуитенъ-шанца. Тутъ начался для насъ новый родъ службы. Это были траншейные караулы. Надобно отдать справедливость, что этотъ родъ былъ довольно непріятной. Сидѣть цѣлые сутки въ ямѣ, быть поминутно осы-

наему проклятымъ картофелемъ (такъ прозвали мы картечи), по ночамъ наблюдать за падающими звѣздочками (такъ назывались бомбы), — и ложиться предъ ними плашмя на землю, (это вѣрное спасеніе при разрывѣ бомбы, бьющей вверхъ широкимъ конусомъ) — и все это время по обыкновенію голодать: — вотъ всѣ трапшейныя удовольствія!

Любопытно было при этомъ видѣть, какъ привычка дѣлаетъ не устрашимымъ. Молодыя Прусскія маркитантки ежедневно во всю осаду являлись въ нашъ лагерь съ булками, водкою, вишнями и пряниками. Со времени открытія траншей, мы ежедневно подвигались впередъ и опасности увеличивались — но онѣ съ тою же точностію и постоянствомъ приходили къ намъ каждое утро, присѣдали немножко, при свистѣ летящихъ ядеръ, шутили при посыпаніи чугуннаго картофеля, съ веселостію разказывали намъ свои новости и не прежде оставляли насъ, какъ весь ихъ запасъ бывалъ разобранъ. — Деревенскіе мальчишки также часто забавляли насъ

своею смѣлостію. — Чтобъ непріятельскія ядра не проподали даромъ, ихъ вырывали изъ земли и смотря по калибру, раздавали по батареямъ для обратной пересылки по адресу. За каждое вырытое ядро платилось по дпткѣ (около 7-ми копѣекъ), — и этою работою обыкновенно занимались мальчишки изъ окрестныхъ деревень. Надо было видѣть, съ какимъ нетерпѣніемъ стояли они подъ выстрѣлами и ждали ядеръ. Лишь только вроется въ землю, они тотчасъ бросались къ нему и вырывали его. Напрасно мы кричали имъ, чтобъ подождали немного, по тому что часто летали и начиненныя ядра, которыя разрывало и черепками убивало, — но это ни когда не останавливало мальчишекъ. Имъ поскорѣе хотѣлось заработать дптку и накупить себѣ пряниковъ.

24-то Октября Французы попытались сдѣлать нечаяное нападеніе на *Нерунгъ*, гдѣ имъ такъ пощастливилось 15-го Апрѣля. Съ тѣхъ самыхъ поръ тамошній отрядъ ни разу не былъ обезпокоенъ непріятелемъ. Не мудрено, что бездѣйст-

віе родило безпечность. И дѣйствительно они такъ искусно подкрались, что застали Командующаго отрядомъ въ глубокомъ снѣ, едва успѣвшаго спастись. Но на этотъ разъ они не только не нашли ни какого провіанта, но подоспѣвшимъ резервомъ были чрезъ полчаса прогнаны съ уономъ.

По этому ли случаю, или по другимъ распоряженіямъ, нашей Дружинѣ велѣно было отправиться на Нерунгъ, для подкрѣпленія тамошняго отряда. Обходъ былъ по прежнему чрезъ годъ Диршау — и мы употребили на это четыре дни по жесточайшей грязи. Когда же пришли туда и пробыли трое сутокъ, то ужасная скука овладѣла нами. Послѣ жизни самой дѣятельной и наполненной ежеминутными опасностями, вдругъ перешли мы въ совершенную бездѣйственность. — Тоска, да и только. — Надобно было искать разсѣянія. Съ начальникомъ 1-й роты вздумали мы отпроситься въ городъ Эльбингъ лежащій около 60-ти верстъ отъ Данцига. Пред-

логомъ отпуска былъ: размѣнъ ротныхъ денегъ. — Полковникъ пустилъ насъ на 5-ть дней.

По непроходимой грязи ѣхали мы туда трое сутокъ, — и по этому уже ращету не могли воротиться къ сроку отпуска, а какъ отвѣтственность за просрочку одинакова, то мы и вздумали подолѣе пожить. — Да и можноль было иначе? Прелестнѣйшій городъ, отличное общество, чудесный вездѣ пріемъ, у насъ много денегъ, молодости и охоты влюбиться.... День за день, веселость за веселостью. Удовольствіе за удовольствіемъ — и мы прожили три недѣли. — Товарищь мой влюбленъ былъ въ дочь одного городоваго Совѣтника. Это было ему и подъ стать. Онъ былъ изъ весьма хорошей фамиліи, значительнаго чина (въ 20-ть лѣтъ Коллежской Ассесоръ), отличной образованности, прекрасный фортопьянистъ, наилучшей и благороднѣйшей души человѣкъ и очень хорошъ собою. Мудрено ли ему было понравиться и Нѣмкамъ и Нѣмцамъ?—Его вездѣ на рукахъ носили, — а за нимъ и я былъ приглашаемъ. При немъ всѣ мои дарованія изчезли, — но я

этому не завидовалъ. Я былъ занятъ очень скромнымъ волокитствомъ. Я страстно влюбился въ дочь хозяина нашего Англійскаго трактира и съ ума сходилъ по ней. Одинъ изъ ежедневныхъ тамошнихъ посѣтителей, купецъ, сдѣлался моимъ другомъ и повѣреннымъ. Казалось онъ отъ души старался помогать намъ, — но Тереза, уступая силѣ моей любви, хотѣла законнаго брака — и это держало въ уздѣ порывы моего романтизма. Я однакоже всякой день болѣе и болѣе воспламенялся, потому что короткость обхожденія сильно жгло молодую кровь. Повѣренный мой съ Нѣмецкимъ радушіемъ хлопоталъ за меня, я ему давалъ порученіе за порученіемъ... вдругъ я узналъ, что онъ самъ влюбленъ въ Терезу — и уже однажды предлагалъ ей свою руку, — но получилъ отказъ. — Это меня взорвало. Съ бѣшенствомъ бросился я къ нему, сказалъ ему о томъ, что узналъ — и получилъ отъ него очень равнодушное признаніе, что все это точно правда.» — За чтожъ вы сердитесь, прибавилъ онъ? Да можетъ быть ещё десять чело-

вѣкъ влюблены въ Терезу, — но развѣ это мѣшаетъ вамъ быть предпочтеннымъ ею? Если вы на ней женитесь, то она конечно будетъ щастлива, — и я любя ее, буду очень радъ. Оболь-стить же ее вы вѣрно не захотите. . . .» Я тотчасъ же смягчился и помирился. Самоотверженіе его меня трогало. Я рѣшился также пожертвовать собою и поручилъ ему обьявить ей и отцу, что я дѣйствительно намѣренъ на ней жениться. Онъ немѣдленно выполнилъ мою комиссію. Тереза была въ восторгѣ, отецъ изумился, — но надѣялся однако изумить и меня. Онъ велѣлъ сказать мнѣ, что какъ ни велика честь, дѣлаемая его дочери, но что онъ дастъ за нею 20 т. талеровъ, а это-де то же чего нибудь да стоитъ. Впрочемъ и онъ, и Тереза изъявили совершенное свое согласіе. Я былъ щастливъ, полетѣлъ къ нимъ, обнималъ всѣхъ и съ той минуты пользовался всѣми правами жениха.

Надобно однако было открыть все товарищу. Его я больше всего боялся. Кое-какъ намекнулъ я ему о моей любви — и это его отнюдь не

удивило, но когда я скрѣпясь сказалъ, что готовъ даже жениться на Терезѣ, — то онъ представя мнѣ все безразсудство подобнаго поступка, прекратилъ всѣ разсужденія тѣмъ, чтобъ послѣ завтра отправляется подъ Данцигъ, потому что въ городѣ извѣстно стало о капитуляціи, заключенной Раппомъ, — и слѣдственно намъ надо было торопиться ѣхать къ церемоніальному вшествію. Я ожидалъ этаго, но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, что свадьба моя не теперь же можетъ быть сыграна, то и замолчалъ, увѣренный внутренно, что все таки поставлю на своемъ. На другое утро объявилъ я Терезѣ, что ѣду завтра подъ Данцигъ, съ тѣмъ чтобъ устроить свои дѣла и возвратиться къ ней какъ можно поскорѣе. Она поплакала, я разцѣловалъ ее, успокоилъ— и проведя съ нею одинъ изъ пріятнѣйшихъ дней моей жизни, уѣхалъ на другое утро.

Въ грустномъ расположеніи духа ѣхали мы оба съ товарищемъ. И онъ покидалъ любимѣйшее свое существо, и онъ былъ любимъ, — но и ему для успѣха не было другой перспективы,

кромѣ холоднаго Гименея. Онъ имѣлъ довольно силы, чтобъ оторваться отъ этой развязки. — Въ $1\frac{1}{2}$ миляхъ отъ Эльбинга была обыкновенная переправа чрезъ Вислу (или рукавъ ея: Погатъ). подъѣхавъ къ ней, вдругъ объявляютъ намъ, что сильный ледъ, шедшій по рѣкѣ, прекратилъ всякое сношеніе и, что мы не прежде 2-хъ недѣль теперь попадемъ на ту сторону. — Что было дѣлать противъ судьбы? Внутренно оба радуясь, воротились мы въ Эльбингъ, явились къ Коменданту, — и какъ ему извѣстно уже было о прекращеніи сообщеній, то онъ далъ намъ новые квартирные билеты, — и мы вдругъ неожиданно опять явились къ нашимъ тоскующимъ красавицамъ. Быстро пролетѣли эти двѣ недѣли, — и не смотря на всѣ удовольствія наши, намъ было очень досадно, что подъ Данцигомъ все безъ насъ кончилось. Эльбингскіе газеты уже извѣстили насъ о неутвержденіи ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ капитуляціи, о приказаніи ЕГО предложить гарнизону, или сдаться военнопленнымъ, или продолжать защищаться, о со-

гласіи его на исполненіе воли ГОСУДАРЯ, о церемоніалѣ сдачи крѣпости, выхода войскъ и празднествахъ въ Данцигѣ вѣ честь Русскихъ, — все это случилось безъ насъ! — Мы ежедневно справлялись о переправѣ и при первой возможности полетѣли туда.

Не очень выгодно было являться съ повинною головою. Просрочка была жестокая. Я, какъ младшій, оправдывался тѣмъ, что долженъ былъ слушаться старшаго товарища. Онъ же не знаю, какъ и чѣмъ, убѣдилъ нашего Полковника въ своей невинности — и все кончилось самымъ благополучнымъ образомъ. Мы отправились въ Данцигъ, чтобъ осмотрѣть его и погулять.

Весело было проѣзжать теперь мимо траншей и батарей, не слыша уже вѣчнаго акомпанимента ядръ и картечь. Весело въѣзжать въ городъ, предъ которымъ цѣлый годъ почти стояли въ почтенномъ отдаленіи; весело ходить по разореннымъ его улицамъ и мимо разрушенныхъ зда-

ній, весело повторять себѣ съ гордостію: — это мы побѣдили; но чувство тщеславія скоро удовлетворяется, притупляется, пресыщается. Человѣку нужны пріятнѣйшія ощущенія — а тутъ ихъ не было. При изъявленіяхъ радости народной, видна была вездѣ бѣдность и даже не искренность. Выгоды Наполеонова правленія избаловали Данцигскихъ жителей. Имъ очень не хотѣлось возвратиться подъ власть Прусскаго Короля. Они даже отправили Депутацію къ АЛЕКСАНДРУ, чтобъ Онъ ихъ взялъ въ свое владѣніе, но между союзными Монархами дѣло это было кончено — и Депутатамъ отвѣчали, что не ихъ забота выбирать себѣ властителей, и чтобъ они явились за приказаніемъ къ своему Государю, Королю Прусскому.

Такъ кончилась осада Данцига. Со дня открытія траншей, менѣе нежели въ два мѣсяца, ужасная эта крѣпость принуждена была сдаться. Дѣйствіе Русской артиллеріи превосходитъ всякую похвалу. Семилѣтніе труды Французскихъ инженеровъ такъ были избиты нашими ядрами, что

между батареями даже сообщенія не было отъ обломковъ; всѣ почти ихъ орудія были подбиты и передовыя наши траншеи были уже на гласисѣ. При нынѣшнемъ военномъ искуствѣ нѣтъ уже непреодолимыхъ крѣпостей, если только передъ ними можно рыть траншеи.

Вскорѣ по взятіи Данцига воспослѣдовалъ ВЫСОЧАЙШІЙ Указъ о роспускѣ Ополченій, — и чтоже? никто почти изъ насъ не былъ этимъ доволенъ. Союзные войска вступали тогда во Францію. Начинался послѣдній актъ величественной Драмы: *Паденія Наполеона*, — а намъ приказывали сойти со сцены. Это было очень грустно! — Притомъ же отобрали у солдатъ ружья, какъ безполезную вещь, для мирныхъ поселянъ, возвращающихся на родину. И это было намъ очень непріятно. Сколько воспоминаній соединялось для воина съ ружьемъ его, бывшимъ свидѣтелемъ и товарищемъ въ двухъ лѣтнихъ битвахъ! Это была бы для него и для потомства его святыня, на которую внуки приходили бы

любоваться и разсказывать повѣсти о великой годинѣ испытанія.

Что еще сказать о нашей службѣ? Обратный походъ — былъ уже не что иное, какъ прогулка праздныхъ людей (*). Въ Кенигсбергѣ узнали мы о взятіи Парижа — и объ окончаніи всей войны. Радуясь величію и славѣ Русскаго оружія, мы грустили однако, что не участвовали въ этой знаменитой развязкѣ, которая въ исторіи народовъ составитъ эпоху, которая снова измѣнила географію Европы, которая свергла династіи, признаваемыя 10 лѣтъ, и которая возвела Россію на небывалую дотолѣ степень могущества, славы и величія.

12-го Іюня возвратились мы въ С. Петербургъ. Встрѣченные вдовствующею Императрицею, Гер-

---

(*) *Примѣчаніе для любопытныхъ.* А Тереза? а свадьба? — Виноватъ, Господа! Я ни какъ не могъ жениться. Добрый нашъ Полковникъ урезонилъ меня, — а Тереза вышла за мужъ за того самаго купца, который былъ моимъ повѣреннымъ.

цогомъ Виртембергскимъ и военнымъ Министромъ Горчаковымъ, явились мы на той же Исакіевской площади, на которой въ 1812 году принимали свое знамя, и мы съ гордостію могли сказать, что не постыдили его. Тотъ же Преосвященный благословилъ теперь нашъ возвратъ, который осѣнялъ насъ тогда знаменіемъ креста, идущихъ на бой. Сколько великихъ перемѣнъ съ тѣхъ поръ произошло! Изъ какой борьбы Россія вышла побѣдительницею!

И съ нами сдѣлалась не большая перемѣна. Изъ 14 т. воиновъ бывшихъ тогда въ строю, теперь и 4-хъ не стояло на лицо. Гдѣ же остались прочіе? Миръ вамъ, съ честію погибшимъ за родину!

Такъ мы начали, служили и окончили службу. При тогдашнихъ великихъ событіяхъ объ насъ скоро и забыли. Это участь всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. Всѣ мы разбрелись по разнымъ мѣстамъ — и я могу похвастать послѣднею глупостію: что возвратился въ прежнее вѣдомство

гражданской службы, вмѣсто того, чтобъ перейти въ военную. И теперь еще я раскаяваюсь въ этомъ! — Многаго бы со мною не случилось..... но довольно! Будущее въ рукахъ Всевышняго.— Аминь.

КОНЕЦЪ.

2007096526